

общественных стихийных сил исторического процесса, будут созданы материальные и духовные условия для безграничного совершенствования человеческой личности.

К. Ипполитов

ПРЕСТУПНОСТЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Криминогенная обстановка в России в последнее десятилетие формировалась и развивалась в тесной взаимосвязи со всеми политическими, экономическими, социальными и духовными процессами, которые протекали и протекают не только непосредственно в самой России, но и на всем том пространстве, которое занимал Советский Союз. Всякая попытка анализа криминальных явлений вне связи с этими процессами или анализ, основанный на изучении статистических данных и тенденций, происходящих исключительно в сфере самой преступности и борьбы с ней исключительно правоохранительных органов и спецслужб, неизбежно ведет к односторонности выводов и оценок, а значит, и выработке мер борьбы с преступностью в замкнутом пространстве, а следовательно, и малоэффективным по своей результативности и сути. Кроме того, такой анализ имеет ограниченное значение и в силу того, что недостатки самой правоохранительной системы выводятся из этого же ограниченного пространства и, следовательно, замыкаются либо на уровне сугубо ведомственного подхода, либо на уровне поиска ответственного, «крайнего» за состояние преступности.

Кроме того, сегодняшняя криминальная ситуация не может быть правильно оценена, если не учитывать особенности ее развития в предшествующие десятилетия, так как некоторые ее стороны и проявления сформировались именно в эти годы, а со второй половины 1980-х годов лишь под

воздействием новых факторов политического и социально-экономического характера выглядят как устойчивая тенденция или, что более опасно, как форма закономерности.

Одновременно с этим необходим и серьезный учет внешнего фактора. Непродуманное и непросчитанное полное и немедленное включение России в мирохозяйственные процессы на основе политики «открытой экономики», когда с экономической точки зрения Россия оказалась неконкурентоспособной по всем основным видам товаров и уровню технологии производства, а в условиях распада СССР оказались разрушенными административно-правовые режимы (граница, таможня, режим въезда-выезда, режим перемещения иностранцев и т.д.), внесло новые, причем необычайно опасные явления в характеристику российской преступности.

Таким образом, криминальное развитие в России необходимо рассматривать (с методологической точки зрения), во-первых, под углом преемственности с предшествующим политическим периодом, во-вторых, как явление, развивающееся под воздействием новых экономических, политических, социальных и нравственных факторов, начиная с 1985 года, и, в-третьих, через воздействие внешних факторов в условиях политики «открытой экономики».

Такой подход обязывает нас прежде всего обратиться к источникам и причинам постоянного расширения криминальных действий, наполнения новым качественным содержанием ранее известных форм преступности и появления ее новых форм, превращения преступности в один из самых серьезных факторов, воздействующих на экономическую, социальную, политическую, нравственную обстановку в России и определяющих в немалой степени отношение к России в мире, особенно в среде иностранных предпринимателей и зарубежных финансовых институтов.

И еще одно замечание, предвещающее переход к анализу поставленной проблемы.

Национальная безопасность включает в себя две самостоятельные, хотя и тесно переплетающиеся друг с другом, формы ее обеспечения: обеспечение государственной

безопасности и обеспечение общественной безопасности. Если первая прямо связана с противодействием угрозам независимости и территориальной целостности страны, оборонному потенциалу, конституционному строю и связана с защитой институтов, обеспечивающих безопасность этих ценностей, то вторая — общественная безопасность — отражает потребность защиты общественного порядка, защиты собственности (всех ее форм и видов: государственной, частной, общественной, коллективной, индивидуальной), обеспечения безопасности личности.

Безопасность личности — это то, что в конечном итоге в реализации своих задач должны обеспечивать и первая, и вторая формы.

Взаимозависимость этих двух форм обеспечения национальной безопасности очевидна. Ослабление любой из них — ущерб для страны в целом и для конкретной личности в частности. Однако неограниченный перекос в приоритетах, в укреплении одной за счет другой также не менее опасен. Превращение, например, в 1930-е годы государственной безопасности в абсолютную величину, тождественную понятию «национальная безопасность», привело страну к насилию над личностью, подавлению общества, их оценке лишь через призму интересов государства. Государственная безопасность, возведенная в столь высокий ранг, отражала политическую формулу: народ и общество — для государства.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов началось разрушение структуры органов государственной безопасности. Это определялось стремлением изменить бытовавшую политическую формулу, утвердить принцип правового государства: государство для личности и общества.

Однако, разрушая старую структуру органов государственной и общественной безопасности, ее инициаторы (осознанно или неосознанно) переступили черту, за которой началось разрушение системы обеспечения государственной и общественной безопасности — практически не работают или работают очень неэффективно режим охраны границы, таможенный режим, режим въезда-выезда, режим переме-

щения иностранцев по территории России, режим проживания и прописки, паспортный режим, режимы и инструкции, регулирующие разрешительный характер контактов высших должностных лиц с представителями иностранных государств, и т.д. (для сведения тех, кто очень любит говорить о правовом государстве и берет в качестве образцов для подражания развитые страны Запада: ни в одной из них еще никто «не додумался» до ликвидации административных режимов; они в той или иной форме существуют везде и их жесткость или мягкость определяется не идеологическими позициями, а сугубо прагматической реальностью, объективной социально-политической, экономической и оперативной ситуацией в стране). Параллельно с этим проходила негласная люстрация кадров в органах государственной и общественной безопасности, проведение которой облегчалось осуществлением бесконечных реорганизаций, ничего общего не имеющих с реформой.

Все это вместе взятое привело к тому, что сегодня уровень государственной и общественной безопасности упал ниже критической отметки, а сами государственные институты оказались столь слабыми, столь дезорганизованными и аморфными, лишенными наиболее профессионально подготовленных кадров, что они уже перестали выполнять свою главную задачу: обеспечивать безопасность общества и личности. И не случайно в центре внимания сегодня оказались органы внутренних дел, так как именно на них возложена в первую очередь охрана общественного порядка, борьба с уголовной преступностью. Именно в их деятельности, по всем писаным и неписаным законам, личность является (должна являться) главной заботой. И когда эта личность оказалась беззащитной, когда священное право человека на жизнь уже никем не охраняется и не гарантируется, то вполне обоснованно встают вопросы: почему это происходит? В чем истоки такого положения? Каковы наши перспективы в области общественной безопасности?

И дело здесь не только в органах внутренних дел, и даже не столько в них, так как сами они, их положение в государстве, их роль в охране общественного порядка и их воз-

можности — производное от других факторов: политических, экономических, социальных и духовных процессов, происходящих в обществе и государстве.

Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо, прежде всего, хотя бы в самом кратком и общем виде, рассмотреть общее состояние преступности в стране.

Общее состояние преступности в России

Криминогенная ситуация в России уже на протяжении ряда лет имеет четко выраженную тенденцию нарастания практически всех видов преступности, угрожающей безопасности граждан, общества и государства. Каким образом преступность как уголовное явление приобрела откровенный, четко выраженный социально-политический характер и стала реальной угрозой для безопасности личности, общества и государства?

Состояние преступности в России самым тесным образом связано с общественно-политическим и экономическим развитием страны и характером власти.

В период диктатуры вождя — сталинский период — подчинение интересов личности и общества интересам государства привело к жестокому подавлению не только политического инакомыслия, но и к бескомпромиссной борьбе с преступностью. И то, и другое являлись качественными характеристиками борьбы за социализм в том виде, в каком она соответствовала господствующей идеологии, в которой государству отводилась первая и единственная роль вершителя судеб людей.

Кроме того, и политический, и уголовный преступник рассматривались как самая дешевая рабочая сила, призванная обеспечить строительство «государственного социализма». При этом борьба с преступностью призвана была решать не только сугубо правоохранительную задачу, но и вписывалась в деятельность вождя по социальной защите населения от преступности в любых ее видах и формах.

Смерть Сталина в 1953 году открывала путь к изменению характера власти, придавая ей в большей мере характер диктатуры партии. Среди ее основных внешних проявлений

стали уголовная амнистия (1953) и политическая реабилитация жертв политического террора сталинского периода.

Если второе (политическое проявление) в большей степени внесло изменения в политическую и идеологическую жизнь общества, то первое (уголовная амнистия) значительно повлияло на общекриминальную ситуацию. Появление на свободе значительной части уголовного элемента, в том числе и рецидивистов, не могло не изменить криминальную обстановку в худшую сторону.

Тем не менее сама обстановка находилась под контролем правоохранительной системы, которая продолжала пользоваться высоким авторитетом, находилась в относительно благоприятном финансовом и материально-техническом положении. Можно утверждать, что в этот период преступность не приняла общественно опасного характера и ее влияние на экономическую и особенно политическую жизнь России было невысоким.

С 1964 года, после отстранения от власти Н.С. Хрущева, в России (Советском Союзе) очень быстро пошло формирование государственно-партийной номенклатуры как класса (как определенный социальный слой он сложился в 1950-е — начале 1960-х годов), и в стране формировалась номенклатурная диктатура, для которой социалистическая идеология, коммунистические идеи, заботы о социальном положении масс оставались лишь внешней формой, позволявшей утверждаться в обществе корыстным и честолюбивым интересам этого клана как в центре, так и на местах, где в свою очередь быстро формировалась местная территориальная и национальная элита со своими региональными интересами, далеко не всегда и во всем совпадавшими с интересами политической и государственной элиты центра. Данное положение объясняет ту легкость, с которой прежняя, периода СССР, государственно-политическая номенклатура «вписалась» в новые отношения после 1991 года и сравнительно быстро заняла регулирующее положение как новая элита России и других стран СНГ.

Превалирование корпоративных целей и интересов государственно-партийной номенклатуры в центре и осо-

бенно на местах не могло не повлечь за собой изменений в характере и содержании преступности. И не случайно именно в этот период — с середины 60-х и до середины 80-х годов — шло быстрое нарастание преступности, причем, как отмечают авторы книги «Криминальная ситуация в России и ее изменения», каждые пять лет прирост средних коэффициентов преступности почти удваивался. В эти годы окончательно оформилась и разрасталась «теневая экономика», образовывались значительные группы теневых дельцов и связанных с ними представителей властных структур государства и партии в центре и на местах (коррупция). Складывались организованные группы преступности. Появилось преступное явление, получившее в советской публицистике определение как «мафия». Подтверждением этому являются громкие дела в Центре, в Закавказье, Средней Азии, наиболее известным из которых стало «хлопковое дело» в Узбекистане, вскрывшее тесную взаимосвязь дельцов «теневой экономики», представителей государственной и партийной власти, сотрудников правоохранительных органов и других государственных органов управления.

Между различными кланами номенклатурного класса в центре и на местах началась ожесточенная борьба за влияние на различные звенья правоохранительной системы и силовые ведомства, постановку их на службу своим корыстным интересам и политическим планам. Цифры преступности и особенно формы ее организации и решаемые с ее помощью задачи, огромный рост «теневой экономики» и ее связь с организованной преступностью и с сотрудниками органов государственной власти и управления свидетельствовали о том, что кризис в обществе очень быстро нарастал, преступность расширялась и углублялась и становилась все более общественно опасной. Но при этом государство было еще способно контролировать ситуацию в преступной сфере.

Период 1986–1987 годов, вошедших в историю как период перестройки (хотя, как показывает время, никакой программы такой перестройки не было, как и не были определены политические, экономические и социальные задачи столь радикального намерения, а были лишь цели, расплыв-

часто определенные как «демократические», способные утвердить в советском обществе «общечеловеческие ценности»), характеризуется нарастанием предумышленной преступности, в особенности ее корыстной части, а с 1988 года мы уже наблюдаем бурный, стремительный рост преступности. Одним из самых негативных моментов этого периода является то, что процесс криминализации общества стал выходить из-под контроля государства. Одновременно начался процесс дестабилизации всей правоохранительной системы и спецслужб, формировалось общественное мнение, что сама эта система и спецслужбы, сформировавшиеся в годы советской власти, являются консервативными, являются тормозом на пути политического и экономического реформирования, а следовательно, их надо сломать.

Период 1989–1999 годов — это время, когда вместо действительной реформы системы обеспечения государственной и общественной безопасности и приведения ее в соответствие с демократическими принципами правового государства шли бесконечные реорганизации, имевшие откровенно политическую цель и породившие массовые увольнения и уход из правоохранительной системы и спецслужб наиболее квалифицированных кадров и полное разрушение системы административно-правовых режимов, которые во всем мире были и продолжают оставаться необходимой частью системы обеспечения безопасности личности, общества и государства, выступая одновременно для правоохранительных органов и спецслужб как первая, основная сигнальная система получения сведений о фактах преступлений или подозреваемых в совершении преступления.

По сути дела, именно в этот период были заложены основные позиции и сформировались основные факторы резкого возрастания преступности во всех ее проявлениях и все более активного вовлечения населения в преступную деятельность, прежде всего корыстную.

Как известно, перестройка началась с антиалкогольной кампании. Ее завершение было ознаменовано отказом от борьбы с экономической преступностью. И именно в этот момент стали пропагандироваться мнения о том, что воз-

можно, допустимо в интересах общества использовать теневые и криминальные капиталы, о том, что использование таких капиталов является резервом перехода к рынку.

Но, пожалуй, самым удивительным и фантастичным стало требование о введении моратория на борьбу с экономической преступностью в период перехода к рынку.

Конец 1980-х — начало 1990-х годов характеризуется, таким образом, началом слома системы экономического и социального контроля в обществе, который был активно продолжен в период либеральных реформ с 1992 года, а также слома системы обеспечения общественной и государственной безопасности (включая и систему административно-правовых мер). Все это накладывалось на отсутствие какой-либо законодательной базы, регулирующей новые экономические отношения и отношения по поводу собственности. Все это объективно открывало путь не только к росту преступности, но и к качественным изменениям в ней самой, да и к постепенному превращению в целом всей преступности, особенно ее экономической составляющей, в реальную угрозу политической, экономической и социальной безопасности России.

После 1991 года преступность становилась все более общественно опасной, она все в большей мере становилась корыстной, и доминирующим элементом стало насилие. Во всех своих проявлениях она стала демонстрировать откровенное, крайнее неуважение к правопорядку, открыто игнорируя интересы общественной и государственной безопасности.

Все это четко проявилось в динамике роста преступности, в развитии привычных и новых для России видах преступности, в изменении качественной характеристики преступности в целом и изменении ее роли в жизни общества и государства, в качественных характеристиках самого общества и государства.

И не случайно с началом экономических реформ совпал и резкий рост преступности. Уже в 1995 году в Российской Федерации было совершено более 3 миллионов правонарушений, включая административные (в эту цифру не вхо-

дят данные по Чечне и Ингушетии, так как по этим регионам центральные власти информацией не располагают). При этом начиная с 1991 года среди всех видов преступлений наблюдается опережающий рост экономических преступлений, уровень которых в 1995 году перешагнул 40-процентную отметку. Если же взять только собственно уголовные преступления (без административных), то доля экономических преступлений оказывается необычайно высокой. Она составила более 70%. Уже в эти годы наблюдалась явная тенденция неуклонного возрастания экономических преступлений. Только за четыре месяца 1995 года было зарегистрировано более 80 тысяч преступлений в экономической сфере, что на 35% больше, чем за соответствующий период предшествующего года. К концу 1995 года число экономических преступлений превысило 200 тысяч. И это при том, что большая часть экономических преступлений совершается скрытно, не фиксируется и не регистрируется.

В 1991–1995 годах население России почти в два раза чаще страдало от преступлений, чем 10 лет назад.

По официальным данным (МВД), в 1996 году наметилась тенденция сокращения общего числа зарегистрированных преступлений, а также по конкретным видам преступлений. Но, по оценке того же МВД, в этот период отсутствовали объективные условия для качественного улучшения криминальной обстановки, значительная часть преступности оставалась латентной.

И то, что официальная статистика не отражает истинного положения дел, весьма аргументированно доказывается авторами специального исследования «Преступность и законодательство», изданного Криминалогической ассоциацией и Научно-исследовательским институтом проблем укрепления законности и правопорядка в 1997 году. По их данным, зарегистрированная преступность составляет около одной трети ее общего массива (общий массив преступности в 1993–1997 годах колебался от 8 миллионов до 10 миллионов ежегодно). Две трети совершенных преступлений по разным причинам не нашли отражения в официальной статистике.

Как следствие — вне регистрации оказывается 5–6 миллионов преступлений.

Изучение состояния дел в этом вопросе показало следующее: в среднем по России около 60% опрошенных потерпевших от тяжких преступлений не обращались в правоохранительные органы (25% — квартирные кражи, 38% — хулиганство, 14% — мошенничество и вымогательство, 12% — грабежи и разбойные нападения). Это та часть латентной преступности, которая из-за необращения вообще не попала в сферу внимания правоохранительных органов. Основными причинами необращения были сомнения в результативности деятельности правоохранительных органов (54%), нежелание быть втянутым в затяжной судебный процесс (26%), опасение неблагоприятных последствий (20%). Число же зарегистрированных должностных и экономических преступлений в десятки раз меньше их реального количества (взяточничество, обман покупателей и заказчиков, злоупотребление служебным положением и т.д.). (Преступность и законодательство. М., 1997. С. 34–35.)

По данным МВД, в России в 1999 году было совершено 3 001 748 преступлений, что превысило уровень 1998 года на 11% (если исходить из критериев количественных оценок, предложенных Криминологической ассоциацией, учитывая при этом латентную преступность, то в действительности мы будем иметь те же 9–10 млн преступлений в год). В общем росте уровня преступности в 1999 году особенно выросло количество тяжких преступлений: убийств, разбойных нападений, грабежей. Почти на 20% возросло количество краж. При этом особую тревогу вызывает рост таких тяжких преступлений, как бандитизм, убийства, заказные убийства, похищение людей. Так, в 1999 году было совершено 31 140 убийств, из них 521 заказное. Из этого последнего числа 156 было раскрыто, а материалы по ним направлены в суд. Особенностью 1999 года стало большое количество преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, — 66 тысяч.

То, что рост преступности, в особенности латентной, из года в год продолжается (при том, что происходят определенные количественные колебания в отдельных видах пре-

ступлений), сегодня не оспаривается никем. Да и сложно оспаривать очевидность происходящих в стране событий, связанных с преступностью. Поэтому в данном исследовании не будут рассматриваться сугубо количественные показатели. О них достаточно много и подробно пишут как в специальных исследованиях, так и газетных публикациях, а также в сводках и статистических отчетах МВД. Для нас важнее, опираясь на опубликованные в открытых источниках количественные показатели и отраженные в различных публикациях тенденции, выявить наиболее значимые процессы, происходящие в самой преступности и в обществе в связи с преступностью, а также рассмотреть более подробно события, связанные с конкретными, наиболее значимыми видами преступности, так как именно те, которые, с одной стороны, свидетельствуют о качественных изменениях преступности, а с другой — раскрывают механизм воздействия на политические, экономические и социальные процессы в обществе.

Уже отмечалось, что в общей массе преступлений опережающий рост принадлежит преступлениям в экономической сфере. В 1999 году рост экономических преступлений на территории России составил по сравнению с 1998 годом 20,4%. Всего было зарегистрировано 303 тысячи случаев. Отметим, что к наиболее опасным видам экономических преступлений относятся преступления против собственности, хозяйственные и должностные преступления в экономической сфере, хищения, мошенничество, подделка ценных бумаг и денег, махинации с валютой, драгоценными металлами и камнями, заключения фиктивных договоров и контрактов, сокрытие доходов от налогообложения, нелегальная деятельность и торговля, криминальная приватизация, лжебанкротство, создание лжефирм, отмывание «грязных» денег и т.д. и т.п.

Массовый характер приобрело уклонение от налогов, причем налоговые преступления тесно переплелись с преступлениями иного рода: убийствами, рэкетом, шантажом. Так как уклонение от уплаты налогов в России стало всеобщей практикой, государство постоянно недобирает как ми-

нимум 40% налогов. Как считает МВД РФ (Коммерсантъ-Daily. 1997. 24 апреля), названная цифра приукрашивает действительность. По его данным, например, реальные налоговые поступления за первый квартал 1997 года составили не более 25 трлн рублей, а не 47 трлн, как отчитывалась ГНС. В итоге выполнение бюджетных назначений в первом квартале не превысило 48%. А это весьма значительно расходилось с данными, указанными ранее Госналогслужбой России. Такие расхождения отмечались и в последующем — по итогам 1997 и 1998 годов. В результате денежная масса, обращающаяся в народном хозяйстве России, вдвое меньше необходимой, если исходить не из победных реляций, а из отношения ВВП к находящейся в обращении денежной массе (при норме на уровне 4—5 в России это отношение составило в 1993 году 8,5, в 1994 — 8,9, в 1995 году — 9,9).

Товарооборот, который тем не менее осуществлялся, в сложившихся условиях обеспечивается посредством крупномасштабной натурализации и долларизации обращения. Если учитывать и накопления населения, то в постоянном обороте находится в среднем около 20 млрд долларов иностранной валюты, что соответствует почти половине рублевой денежной массы. При этом необходимо учитывать, что наказание за преступление даже по выявленным фактам настигает одного из десятка. Так, в 1994 году по фактам нарушений налогового законодательства было возбуждено 2,5 тысячи уголовных дел. По рассмотренным делам осуждено около 200 человек. В 1999 году ФСНП было возбуждено уже 16,5 тысяч уголовных дел. Более 40 тысяч человек в этом же году было оштрафовано за нарушение налогового законодательства. При этом необходимо учитывать и высокий уровень латентности в этом виде преступности.

Одним из наиболее ощутимых ударов по российской экономике стал экспорт капиталов. В начале 1996 года на совещании, организованном МВД, было заявлено, что в предшествующие 7 лет (в основном в 1993—1995 годах) из России было вывезено 150 млрд долларов. По данным зарубежных и отечественных экспертов на начало 1997 года экспорт капитала составил около 200 млрд долларов, а к началу 1998 года по оцен-

кам различных специалистов вывоз капитала перешагнул рубеж в 250 млрд долларов. По данным Центрального банка России, ежемесячно из страны незаконно вывозится 1–2 млрд долларов. К настоящему времени, по различным оценкам, за рубежом находится более 300 млрд долларов, работающих на западную экономику. Главари организованной преступности и их клиенты в новой номенклатуре получают отборные объекты собственности в Европе, Северной и Южной Америке, Азии. Они стараются любой ценой приобрести респектабельность, начиная с внешних ее атрибутов (одежда, быт, транспорт, связь, членство в закрытых престижных клубах и т.д.) и кончая дорогими и сверхдорогими школами-пансионами для своих детей. При этом, как свидетельствуют соответствующие правоохранительные и контрольные финансовые органы, необычайно трудно принять конкретные меры наказания даже в тех случаях, когда преступная деятельность уже доказана (об этом свидетельствуют многие факты, в том числе и случай с хищением 37 млн долларов, ассигнованных в 1997 году на финансирование выпуска истребителей МИГ для продажи Индии).

За последние два года Российская Федерация недополучила товаров на переведенную в качестве предоплаты валюту на сумму, эквивалентную почти 7 млрд долларов.

Бывший советник президента США по национальной безопасности в 1997 году высказал предположение, что примерно 65% из 120 млрд долларов, которые Россия получила от западных стран, преимущественно из Германии и от международных кредитных организаций, вернулись на секретные счета на Западе.

Тем самым валютные средства, столь необходимые для инвестирования собственной экономики, для выхода из кризиса, по существу «работают» на зарубежного производителя, ставя тем самым в безвыходное положение отечественного производителя (независимо от форм собственности), а государство вынуждают идти на унижительные действия, чтобы получить иностранный кредит в 4–6 млрд долл, толкая тем самым страну в долговую бездну.

Одной из новых сфер, в которой преступления с 1992 года шли с нарастающей волной, стала борьба за передел собст-

венности. И здесь криминальные структуры заняли одно из ведущих мест. Уже в 1994 году органами внутренних дел в сфере приватизации было выявлено 1749 преступлений. По словам генпрокурора России, только в 1966 году было совершено почти 2000 преступлений, связанных с приватизацией.

Деятельность организованных преступных сообществ и коррумпированных элементов в органах государственного и хозяйственного управления проявилась здесь в виде многочисленных фактов занижения балансовой стоимости приватизируемых объектов, сговора о неправомерном разделе имущества и снижении цены предприятий, умышленного нарушения порядка организации конкурсов и аукционов, продажи в собственность или передачи в аренду с правом последующего выкупа объектов, приватизация которых запрещена законом. Особенно активно криминальные структуры стремятся завладеть голосующими акциями. По данным РАИ, на 1995 год 55–60% капитала и 81–85% голосующих акций перешли в руки криминальных и иностранных структур. Уже в 1994 году примерно на 15% приватизированных предприятий установились нелегитимные отношения собственности, и рост продолжился в последующие годы, в том числе и на втором этапе приватизации. При этом борьба за передел собственности принимала все более ожесточенный характер, а криминальные структуры все чаще выступали в качестве силового элемента этой борьбы, что подтверждается бесконечной чередой заказных убийств уже не только предпринимателей, но и высших государственных служащих, возглавляющих приватизационные процессы. Убийство Маневича в Санкт-Петербурге в августе 1997 года свидетельствует об этом достаточно красноречиво.

Особенно в сложном положении оказались представители малого предпринимательства. С одной стороны, их постоянно пытаются использовать в корыстных целях государственный чиновник, превративший свое рабочее место в прибыльный коммерческий товар (государственный рэкет). С другой стороны, мелкие предприниматели оказались беззащитными и перед лицом преступности, особенно организованной (уголовный рэкет).

В 1993–1994 годах происходили определенные изменения в структуре экономических преступлений. Значительно больше стало таких видов преступлений, как мошенничество (в 1994 году — в 2 раза больше, чем в 1993, за девять месяцев 1996 года, по данным МВД, было совершено 34 882 случая зарегистрированных фактов мошенничества); незаконные операции с валютными ценностями (на 50%); изготовление и сбыт денег и ценных бумаг (в 1994 году почти в 2 раза, в 1996 году за 9 месяцев выявлено 6395 преступлений этого вида). Хотя при этом несколько снижалась доля наиболее примитивного экономического преступления — хищений.

В области экономических преступлений — с точки зрения прироста совершаемых преступлений и материального ущерба, наносимого юридическим и физическим лицам, — лидером стали преступления в финансово-кредитной системе. В этой сфере количество преступлений за 1993–1994 годы увеличилось в 10 раз, составив в 1996 году почти 25 тысяч случаев. Наносимый ущерб в этой области преступлений становится особенно заметным и ощутимым не только с точки зрения сугубо финансовых, но и социальных последствий. Так, грандиозные масштабы приняла деятельность различных коммерческих структур, связанная с привлечением средств физических и юридических лиц под предлогом выгодного их размещения, инвестирования различных проектов, проведения трастовых и иных операций. Нередко такие операции заканчиваются банкротством или присвоением собранных денег. В правоохранительные органы с 1994 года по настоящее время поступило около 5 млн заявлений граждан о невозврате денег коммерческими структурами. Сумма только заявленного ущерба составила свыше 9 млрд деноминированных рублей.

Каждое пятое преступление совершено фирмами, не учтенными налоговыми органами или зарегистрированными по поддельным документам.

Стали неотъемлемой частью российской действительности финансовые «пирамиды» (МММ, «Властелина» и др.), жертвами которых стали сотни тысяч граждан. Но еще большая социальная опасность крылась в том, что и государ-

ство принялось «играть» в эти же игры, выстроив финансовую пирамиду в виде ГКО. Ее крах в августе 1998 года — это судьбы уже миллионов российских граждан, поведение которых может принять и уже приняло в определенной мере весьма опасный характер.

Также наиболее подверженным криминальным процессам оказался рынок ценных бумаг, прежде всего рынок вексельного обращения. Объем необеспеченных ценных бумаг сопоставим с объемом ряда приоритетных расходных частей бюджета. Только органами МВД в 1997 году было изъято из незаконного оборота ценных бумаг на сумму свыше 90 трлн неденоминированных рублей. В 1998 году было выявлено 10645 преступлений, связанных с изготовлением и сбытом поддельных денег или ценных бумаг (прирост составил 34,5 %).

В 1999 году сохранилась тенденция увеличения числа преступлений при проведении инвестиционных конкурсов, спецаукционов, купли-продажи приватизированного жилья.

Продолжает представлять серьезную угрозу экономической безопасности России контрабанда. По данным Главного управления по борьбе с контрабандой (ГТК), в 1999 году российские таможенники задержали 8454 кг наркотиков, 138 кг драгметаллов, пресечен вывоз 902 предметов, представляющих культурную или историческую ценность. Всего по фактам контрабанды было возбуждено 3748 уголовных дел. Возросло количество правонарушений при экспорте леса, морепродуктов и нефтепродуктов. Но при этом снизились объемы незаконного перемещения транспортных средств на 6%, черных металлов — на 33, ввоза продуктов питания — на 16, алкоголя — на 16, табака — на 9 и фармацевтической продукции — на 53%.

По информации ГУБЭП МВД РФ, за 1998—1999 годы в сфере алмазно-бриллиантового комплекса и золотодобычи России выявлено 3300 преступлений, из незаконного оборота изъято около 1 тонны золота, более 28 тыс. каратов драгоценных камней.

По самым скромным оценкам, ежегодно в теневой оборот попадают от 500 тысяч до 1 млн каратов драгоценных

камней и от 5 до 10 тонн золота. Значительная их часть вывозится из России контрабандным путем.

Число уголовных дел по взяточничеству, возбужденных в 1999 году, выросло на 18,3% и составило 6871 случай. Кроме того, было возбуждено 1 236 уголовных дел по фактам коммерческого подкупа (рост на 26,9%). Особенно большой рост был отмечен по графе «Экологические преступления» — на 45,1%. Всего в 1999 году таких преступлений было совершено 11 200.

При этом необходимо постоянно помнить и учитывать, что скрытых (латентных) преступлений в экономике гораздо больше, чем в любой иной сфере, что приводит к выводу: преступность в России стала уже преимущественно экономической.

Это позволяет в свою очередь поставить и другой, более важный вопрос: а в какой мере сама экономика стала преступной, криминализированной? Группа независимых экспертов (Н. Кириченко, А. Привалов, В. Четокин, Г. Швырков) берет в качестве критерия оценку суммы криминального дохода (без доходов от неэкономических преступлений — наркобизнеса, проституции, нелегальной торговли оружием и т.д.). За основу расчета ими взят биржевой курс, а не паритет покупательной способности, так как львиная доля ущерба приходится на кредитно-финансовую сферу, а не на сферу материального производства. Кроме того, независимые эксперты выводят совокупный ущерб с учетом скрытых правонарушений («ординарных») и совокупности ущерба от «преступлений века». В целом их итоговая оценка приводит к выводу: криминальные доходы в 1994 году составили около 5% валового внутреннего продукта (ВВП). Иначе говоря, это несколько больше, чем доля в ВВП легкой промышленности, производства строительных материалов, лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности, химии и нефтехимии, черной металлургии — объем производства в каждой из них в 1994 году составил менее 5% ВВП. Если учесть, что после 1994 года криминализация экономики (экономические преступления) продолжалась с неослабевающими темпами, а производство падало столь же стреми-

тельно, то вполне естественно предположить, что 5%-ный барьер криминальных доходов уже давно преодолен.

Можно соглашаться или не соглашаться с выводом и оценкой независимых экспертов, спорить о количественных показателях — меньше или больше. Но все это не меняет существа вопроса. С учетом происходящих изменений в самой криминальной составляющей экономики можно утверждать, что тип экономического устройства России постепенно принял мафиозно-клановую форму. И этот процесс пока не остановлен, а имеет тенденцию к углублению. Это подтверждается состоянием таких опасных видов преступности, как организованная преступность и коррупция.

Организованная преступность

Под организованной преступностью в международной интерпретации понимаются сложные уголовные виды деятельности, осуществляемой в широких масштабах организациями и другими группами, имеющими внутреннюю структуру, которые получают финансовую прибыль и приобретают власть путем создания и эксплуатации рынков незаконного производства товаров и услуг.

Близко к этому определение, используемое ФБР: «Организованная преступность является самоидентифицируемым, самоструктурированным и дисциплинированным объединением граждан или групп, объединившихся в целях получения финансовых и коммерческих прибылей или доходов полностью или частично противозаконными методами, обеспечивающими защиту своей деятельности посредством взяточничества и коррупции».

Российские правоохранительные органы определяют организованную преступность как организованное сообщество преступников численностью от 50 до 1000 человек, занимающееся систематическим преступным бизнесом и защищающее себя от закона посредством бизнеса.

Российское определение шире понятия, предлагаемого ФБР. Существенное различие между американским и российским определением заключается в том, что американцы рассматривают коррупцию как тактический шаг в деятельно-

сти организованной преступности. В России же участие самих чиновников в организованной преступности не является необычным. Кроме того, в России группировки организованной преступности классифицируются также (помимо количественных показаний и видов противоправной деятельности) по этническим признакам, районам их деятельности и типам руководства. Эти категории, в свою очередь дают дополнительные характеристики определения организованной преступной группировки. Расхождения отражают реальную российскую действительность и с этой точки зрения, являются необходимыми при оценке ситуации с организованной преступностью в нашей стране. Но наличие этих расхождений осложняют сотрудничество между российским и американскими правительствами в вопросах борьбы с организованной преступностью.

В соответствии с российским определением и согласно российской статистике, в стране наблюдается устойчивая тенденция роста числа групп организованной преступности. В России в 1990 году было 785 организованных преступных групп, в 1994 году — 5691, в 1996 году — около 8000, к 1998 году их число приблизилось к 10 000. На 1998 год, по данным МВД, существовало примерно 100 000 постоянных членов организованных преступных группировок. Указанные группировки объединены под началом 3000 предводителей и 279 воров в законе. В 1999 году было завершено расследование 32 858 преступлений, совершенных организованными преступными группировками или сообществами.

На этом фоне все официальные сведения об «успехах» борьбы с организованными преступными группировками свидетельствуют об одном: на месте одной ликвидированной преступной группировки очень быстро появляются две, так как эта борьба не затрагивает причин, порождающих столь опасное для общества и государства социальное явление.

По данным МВД и различных независимых экспертов, в экономическом пространстве организованная преступность контролирует от 40 тысяч до 50 тысяч российских компаний и промышленных предприятий. Они также считают, что организованная преступность держит под контролем бо-

лее 40% частных предприятий, около 60% государственных предприятий, от 50 до 85% банков. По всем официальным и неофициальным данным, около двух третей российской экономики находится в той или иной степени под контролем организованной преступности. Если же взять отдельно только торговлю и сферу услуг, где в основном присутствуют «живые» деньги, то этот показатель становится намного выше.

По данным МВД на начало 1997 года, только в Москве действовали 189 преступных организаций, 23 из которых имели устойчивые международные связи. Из 189 преступных организаций 151 в своей деятельности применяла насилие.

С конца 1995 — начала 1996 года стала четко проявляться тенденция образования альянса между московскими преступными группировками и группировками в других регионах России и стран СНГ. Это сразу сказалось на увеличении нелегального оборота наркотиков и оружия. Для отмыывания незаконной прибыли и «грязных денег» организованные группировки в Москве создали или купили собственные юридические фирмы, банки и прочие предприятия, через которые происходит легализация незаконных доходов.

При этом необходимо учитывать, что банки, предприятия, коммерческие фирмы, совместные предприятия служат преступникам не только для отмыывания денег, но и для использования рыночной экономики в своих корыстных целях. Организованные преступные группировки, располагая крупными финансовыми средствами, завоевывают позиции на внутреннем рынке, осуществляют крупномасштабные преступные операции по вывозу из страны валюты, сырья, товаров и других средств.

Наиболее демонстративной характеристикой деятельности организованной преступности стал уголовный рэкет, являющийся, по существу, нормой российской предпринимательской деятельности. Большинство частных предприятий и коммерческих банков вынуждены, в случае необходимости насильственно, платить организованной преступности дань в размере от 10 до 30% прибыли.

Уголовный рэкет является также одной из серьезных причин того, что в России по сравнению со странами Вос-

точной и Центральной Европы гораздо меньшее развитие получило малое предпринимательство. Более того, по этой и другим причинам, о которых будет сказано ниже, число предприятий малого бизнеса сократилось с 1200 тыс. в 1994 году до 800 тыс. к настоящему времени. Пожалуй, только Москва еще сохраняет нормальные позиции и темпы в этой сфере. По официальным данным, 51 % бюджета московского правительства дает малое предпринимательство.

Необходимо также учитывать, что российские криминальные группировки занимаются всеми видами незаконной деятельности, включая торговлю наркотиками, нелегальный алкогольный бизнес, вымогательство, угон автомобилей в крупных размерах, наркобизнес, международную проституцию, незаконный въезд в страну, банковские махинации, налоговые махинации, фальшивомонетничество, мошенничества, манипуляции с акциями, контрабанду металлов, минералов, антиквариата, драгоценностей, незаконную торговлю оружием и заказные убийства. Одним из самых прибыльных аспектов деятельности групп организованной преступности является преступная финансовая деятельность и спекуляции с собственностью. Группировки организованной преступности приобрели значительное число бывших государственных предприятий посредством приватизации на подстроженных «аукционах» по заниженным ценам. Получив с помощью спекуляций с финансами и собственностью огромные средства, организованная преступность до одной трети этих средств тратит на подкуп чиновников и законодателей для обструкции ими неугодных законодательных актов или обеспечения для себя режима благоприятствования на фоне нормативно-правовой сумятицы, отразившей вхождение России в либеральную рыночную экономику. Эта деятельность существенно подрывает развитие рыночной экономики в России, затрудняя возможности законного предпринимательства для нормального функционирования.

В отсутствие эффективного закона о предпринимательстве, эффективного судопроизводства и при наличии весьма неэффективных административно-правовых мер (так

называемые режимные меры) преступники и преступные группировки стали вершителями судеб. Они узурпировали традиционные государственные юридические функции и средства защиты. Организованная преступность разрабатывает правила, которые принудительно и безжалостно выполняются — в отличие от законов, принимаемых Госдумой.

Есть еще один аспект в деятельности организованной преступности, который в условиях современной России приобретает весьма опасный характер. Он связан с деятельностью этнических групп организованной преступности и прежде всего чеченских группировок.

Разгул национального и территориального сепаратизма вызвал к жизни политические, националистические и религиозные группы, организации, движения и их лидеров, которые для достижения своих клановых, конфессиональных или групповых интересов провоцируют разжигание националистического и религиозного экстремизма. В орбиту их деятельности изначально втягивались преступные элементы, а затем и организованные преступные группировки. Особенностью этого процесса стала тесная взаимосвязь между уголовным и политическим терроризмом. Именно в уголовной среде черпаются кадры и исполнители для реализации идей политического экстремизма и терроризма. Об этом свидетельствуют все крупные акции политического террора.

С другой стороны, вдохновители политического террора предоставляют исполнителям из числа уголовных элементов своеобразную «идеологическую нишу», позволяющую им представлять свою бандитскую, по существу, деятельность как служение «высшим», чаще всего националистическим целям. В этой связке уголовная деятельность, прежде всего групп организованной преступности, построенных на этнической основе, как, например, чеченская группировка, направлена на добывание финансовых, материально-технических средств, в том числе оружия, не только для своих непосредственно уголовных нужд, но и для нужд политического экстремизма. На необходимость использования различных этнических групп организованной преступности чеченскими боевиками указывает в 1997 году Радуев в своей лекции

перед выпускниками-боевиками. В частности, он подчеркнул необходимость для чеченских боевиков занимать лидирующее положение в мафиозных структурах, особенно этнического характера — дагестанских, цыганских, корейских и т.д., — через которые боевики будут осуществлять свою деятельность и получать все необходимые инструкции и деньги.

При таком тесном переплетении происходит взаимное воспроизводство преступной деятельности. Поэтому, развертывая и усиливая борьбу с политическим терроризмом, необходимо принимать более эффективные меры по подавлению организованной преступности, всяких преступных действий против личности и имущества граждан, государственной собственности.

Таким образом, за годы либеральных экономических реформ и псевдодемократического реформирования в обществе в России создались все условия для оформления организованной преступности в самостоятельную силу, располагающую крупными финансовыми и материально-техническими средствами, рычагами влияния в законодательной, исполнительной и судебной ветвях власти, способную оказывать влияние на принятие решений и защищать себя и свои интересы в обществе. Происходит определенная политизация этого явления, что придает ему отчетливую социально-политическую характеристику. Это, в свою очередь, формирует из организованной преступности реальную угрозу национальной безопасности. И дело не в том, что она может претендовать на самостоятельную политическую роль. Для этого ей не хватает внутренней силы (единство на основе стремления к наживе при сохраняющихся противоречиях, конкуренции и выживания одних за счет других, жадности, определяющей взаимную подозрительность и ведущей к неспособности объединиться на основе позитивной идеи). Но благодаря своему финансово-материальному положению и позициям в экономике страны она может основательно разрушать формирование нормальных рыночных отношений, что неизбежно ведет к социальному обострению. Через имеющиеся возможности в средствах массовой информации, через коррумпированные властные и управленческие струк-

туры, через воздействие на экономическое и общественное поведение значительных групп населения она может воздействовать на психологию масс, а это открывает путь во власть ее представителям, и, самое главное, организованная преступность становится в этом случае одной из сил, способных и финансово, и материально-технически, и физически оказать поддержку лицам с чрезмерными амбициями, честолюбием и неразборчивостью в стремлении к власти или к ее защите.

Лидеры организованной преступности, стремясь «влиться» в новый для себя образ жизни и реформируемый облик страны, любой ценой стремятся приобрести «респектабельность». Отсюда и весьма активное участие в «целевой» благотворительности, в пожертвованиях церкви, в политических и творческих «тусовках». «Новые русские» — это уже реальность, обеспеченная в немалой степени и организованной преступностью, хотя, конечно, и не только ею.

Тем не менее, как показывает практика, для достижения своих корпоративных и личных целей и удовлетворения амбиций, появившихся в последние 10 лет, лидеры этих группировок не остановятся ни перед каким преступлением. Отсюда и повышенная опасность с их стороны и для общественного порядка, и для безопасности личности.

Итак, в обществе сложилось определенное, значительное по числу и мощное по имеющимся средствам корпоративное объединение людей (преступников), несущее в себе угрозу личности, обществу и государству. Бездействие последнего (деятельность его отдельных институтов не меняет положения) — это преступление против личности и общества.

Коррупция

Одним из наиболее опасных видов преступления стала коррупция, которая в концентрированном виде вбирает в себя различные преступления и ведет, что является наиболее опасным с точки зрения политической и экономической безопасности, к деформации государственного аппарата, к его криминализации.

Коррупция — это социальное явление, характеризующееся подкупом, продажностью государственных и иных служащих и на этой основе корыстным использованием в личных либо узкогрупповых, корпоративных интересах официально-служебных полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей.

Если же перевести это в практическую область, то можно констатировать, что в основе коррупции лежит, как правило, незаконная двусторонняя сделка, в результате которой лицо, находящееся на государственной или иной службе, нелегально «продает» физическим и юридическим лицам, группам свои служебные полномочия или услуги, основанные на авторитете должности и связанных с ней возможностях, а «получатель» приобретает возможность использовать государственную или иную структуру в своих целях: обогащения, законодательного оформления привилегий, ухода от предусмотренной законом ответственности, социального контроля и т.д.

Иначе говоря, превращение государственным или иным служащим своего рабочего места в коммерческий товар составляет суть коррупции, несущей реальную угрозу нормальному, законному функционированию системы государственной власти и управления.

И чем выше иерархическое положение должностного лица, чем ближе оно к вопросам регулирования отношений по вопросам собственности, лицензирования деятельности, принятия решений, распределения, тем дороже цена этого нового «коммерческого товара» — должности.

Статистические данные показывают, что:

- растет число направленных в суд уголовных дел на коррумпированных лиц: в 1992 г. — 869, 1993 г. — 1191, 1994 г. — 1319, 1995 г. — 1949, 1996 г. — 2099, причем более двух третей составляют дела, заведенные на сотрудников органов государственного управления;
- растет число уголовных дел в отношении депутатов законодательных собраний федерального и регионального уровней;

- с 1995 г. отмечается направление в суд уголовных дел в отношении коррумпированных судей и прокурорских работников.

При этом опасные, угрожающие размеры приняла коррупция в правоохранительных структурах России и органах государственной власти.

Так, по заявлению начальника Главного управления безопасности и борьбы с коррупцией ФСНП, в 1999 г. почти в полтора раза выросло число коррумпированных налоговиков. В общей сложности против налоговых полицейских и сотрудников Министерства по налогам и сборам в 1999 г. было возбуждено 330 уголовных дел. Причем около 70% должностных преступлений совершено высокопоставленными налоговиками.

Самым распространенным профессиональным преступлением среди сотрудников налоговых органов остается получение взятки. Это преступление в истекшем году совершили 28% всех обвиняемых. Чуть меньшая часть возбужденных дел касается злоупотребления служебным положением — 24%. На долю обвинений в мошенничестве приходится 11% уголовных процессов, растратчиков среди изобличенных налоговиков оказалось около 10%, а превысивших должностные полномочия — 5%.

По информации Управления собственной безопасности ГТК, в 1999 году против 265 таможенников возбуждены уголовные дела по коррупции и другим должностным преступлениям. Примерно 30% всех «таможенных» преступлений совершаются в группе. Примерно 28% служащих, проходящих по возбужденным уголовным делам, являются руководителями разного уровня.

При этом общее ухудшение криминогенной ситуации в стране, которое сказывается на распространении коррупции внутри таможни, приводит к противоположному явлению: давлению на самих таможенников. В 1999 году количество нападений на сотрудников возросло на 17%. На 34% возросло количество нападений и на сами таможенные органы и объекты таможенной инфраструктуры. Зафиксировано 15 попыток прорыва границы, 17 попыток получить доступ к конфиденциальной таможенной информации.

Еще более сложной, тяжелой является ситуация в органах внутренних дел, где низкое денежное содержание, выход сотрудников и целых подразделений на рынок в качестве субъектов экономических отношений ведут к весьма широкой криминализации и коррумпированности органов внутренних дел. По данным различных источников, в том числе и зарубежных, почти 30% сотрудников милиции обеспечивают оперативное прикрытие (так называемые крыши) коммерческим структурам — от ларьков до банков.

С учетом глубины проникновения и распространения крыш они постепенно становятся атрибутом современной России, все в большей мере превращаясь в интегрированные элементы российского государства, общества, предпринимательства и преступности. В этом заключается одно из направлений, которое, наряду с другими, формирует криминализацию государства.

Еще более опасными для России стали сформировавшиеся в последние 4–5 лет реальные угрозы, связанные с коррупцией и должностными преступлениями на уровне региональной элиты, федеральных и региональных органов власти.

По данным ГУБОП, за 1998–1999 годы к уголовной ответственности привлечены 36 руководителей федерального и регионального уровня. В том числе к уголовной ответственности привлечены: три губернатора, семь мэров, пять вице-мэров, председатель регионального законодательного собрания, вице-председатель регионального законодательного собрания, а также полтора десятка министров регионального уровня. Основная часть дел — получение взяток и хищение бюджетных средств.

При всей обширности географии такого рода уголовных процессов суммы хищений везде примерно одинаковы: от 500 тысяч до 2 млн долларов. «Совместными усилиями» областные и городские чиновники сумели уменьшить бюджеты своих регионов на 84 млн долларов. Это лишь те суммы, которые легли в основу обвинения. Но еще большие суммы за недоказанностью «выпали» из обвинения; сама же реальная действительность свидетельствует о необычайно высокой латентно-

сти этого вида преступности, а также «способностях» и весьма широких возможностях (правовых, административных, с помощью связей в структурах федеральных и региональных органов власти и управления) уходить от ответственности за преступления.

Суммы взяток и размеры хищений в большинстве случаев совпадают. Их величины колеблются от 1 до 10 тысяч долларов. Но есть и серьезные исключения. Так, тверской вице-губернатор В. Волков получил 250 тысяч долларов, тульский губернатор Н. Севрюгин — 150 тысяч долларов и т.д.

В 1999 году сотрудниками Уральского РУБОП пресечена деятельность преступной группы, в состав которой входили вице-губернатор Пермской области Л. Валько, а также руководители нескольких коммерческих фирм. Продукты питания, поставляемые в Пермскую область за федеральные средства в счет замещения затрат на сельхозстроительство, по указанию Валько вместо бесплатного распределения конкретным предприятиям направлялись в Пермскую плодкооперацию для реализации через коммерческие структуры, контролируемые лидером преступного сообщества Плотниковым (Плотник). Общий ущерб от деятельности преступной организации составил около 3 млрд рублей.

В последние годы активно возбуждаются дела против коррупции в Новороссийске, Воронеже, Волгограде, Туле, Курске и в ряде других регионов. Из всех дел, заведенных на региональных руководителей, до логического конца доведены лишь 10. В результате двое чиновников были оправданы, двое амнистированы, один получил год условно (вологодский губернатор, которому по статьям грозило от 7 до 12 лет с конфискацией), и только пятеро были приговорены к реальным срокам наказания от 4 до 9 лет.

Всю сложность положения в этом вопросе, безнаказанность высших должностных лиц и чувство собственной неуязвимости показало журналистское расследование в Калининградской области (Известия. 23.04.1999). В области сложился прочный альянс криминального капитала и государственной власти, опирающийся на разветвленные пози-

ции в структурах центральной федеральной власти, на «подмятые» под себя структуры правоохранительных органов, руководители которых назначаются центром, но лишь по согласованию с местной властью. Примечательно, что наибольшую «головную боль» руководству области доставлял отдел по борьбе с организованной преступностью, имевший, как и все шестые отделы МВД на местах, относительную независимость от местных властей.

Необходимо учитывать и то, что всякие попытки правоохранительных органов заниматься конкретными лицами в этой сфере в связи с имеющейся информацией пресекаются, так как региональные руководители моментально интерпретируют их как акт политического преследования. Особенно это заметно в периоды подготовки и проведения выборов любых уровней и масштабов.

Заметим, что речь идет только о зарегистрированных официальных данных, не отражающих действительного положения вещей, так как коррумпированности присуща высокая конспиративность. Латентность коррупции превышает латентность по другим видам преступности.

Особенно опасна коррупция в органах государственной власти. Коррумпированный чиновник начинает работать не на государство, у которого официально состоит на службе, а на того, кто ему больше платит или приплачивает. В годы перестройки и особенно с началом либеральных экономических реформ отмечалась все более интенсивная криминализация государственного аппарата, использование его возможностей в незаконных целях.

Наряду с традиционными формами подкупа должностных лиц начали использоваться новые: оплата зарубежных поездок, льготные кредиты, оплата лекций и отчисления за публикации по явно завышенным тарифам, плата только за намерения публикации (так называемая предоплата научных и прочих несостоявшихся трудов), оказание различных услуг, предоставление высокооплачиваемых должностей (весьма распространенным явлением стало привлечение государственных служащих в качестве консультантов, рефе-

рентов и др.), включение в состав коммерческих, предпринимательских структур или соучредителей, предоставление работы по совместительству и прочее.

По данным налоговой полиции, значительная часть коммерческих банков тратит огромные финансовые средства для завоевания покровительства со стороны органов власти и управления.

Начиная с 1993 года госслужащие России по самым скромным оценкам получали ежегодно в среднем около 50 млрд долларов в виде взяток при решении вопросов регистрации предприятий, аренды помещений, выдачи лицензий на право экспорта энергоносителей, оказания содействия в вывозе сырья и ввозе импортной продукции в обход легальных каналов или получения льгот и преференций.

18 июня 1998 года Совет по внешней и оборонной политике и региональное общество «Информатика для демократии» представили журналистам аналитический доклад под названием «Россия и коррупция: кто кого?». Авторы приходят к неутешительному выводу, что сейчас «коррупция оказывает разлагающее влияние на все стороны жизни нашей страны». Согласно представленным экспертным оценкам, потери от нечестных чиновников составляют более 50 млрд рублей (около 13–14 млрд долларов), что превышает все бюджетные расходы 1997 года на науку, образование, здравоохранение и культуру. Только мелкие предприниматели ежемесячно тратят на взятки минимум 500 млн долларов.

За распространенностью коррупционной преступности стоят крупные просчеты в управлении делами государства и общества, слабая экономическая и организационная основы функционирования государственной и иной службы, просчеты кадровой политики, распространенность психологии вседозволенности и допустимости использования любых средств обеспечения личного благополучия, правовой нигилизм и правовой цинизм. Особенно это относится к высшим эшелонам государственной власти, так как ситуацию в пирамиде государственной службы определяет ее верхушка. Коррупция наряду с организованной преступностью стала одним из основных средств пере-

устройства общества. И Е. Гайдар, один из основных авторов курса либерального экономического реформирования, в своей книге «Государство и эволюция» (1995) был вынужден констатировать: власть «выкупалась» у номенклатуры, обменивалась на собственность.

Формирование новых экономических отношений и нового слоя собственников как социальной опоры режима осуществлялось в ускоренном темпе при сознательном допущении легализации криминальных и иных «грязных» доходов. В результате положение дел стало таковым, что, по оценке А. Лившица, в его бытность помощником президента (июль 1993 г.), усиление борьбы с коррупцией способно было «привести к потере равновесия в экономике», а потому он высказался «против резких движений в вопросах борьбы с коррупцией». Еще дальше пошел в своих мнениях бывший мэр Москвы Г. Попов. В телевизионном интервью (июль 1993 г.) Попов, признавая опасный характер коррупции, подтвержденный мировой практикой, тем не менее говорил об особом экономическом положении в России, предлагая в связи с этим официально разрешить государственным служащим совмещать свою государственную деятельность с прямым участием в работе негосударственных экономических и финансовых структур. Проще говоря, Попов предлагал легализовать коррупцию.

Не случайно поэтому на протяжении уже долгих лет кочует и уже где-то затерялся проект закона «О борьбе с коррупцией».

И еще одно замечание, имеющее принципиальное значение. Во многих научных и практических исследованиях, предложениях и мнениях проводится мысль о необходимости рассматривать коррупцию как составную часть организованной преступности, как средство для последней в решении своих корыстных задач.

Представляется, что это методологическая ошибка, так как размывается само понятие и содержание опасного социального явления, принявшего в России четкие контуры угрозы политической безопасности государства. Кроме того,

при таком подходе затушевываются наиболее глубокие и серьезные причины, порождающие как организованную преступность, так и коррупцию, уходят на второй план факторы, оказывающие прямое и косвенное воздействие на развитие этих опасных социально-политических явлений.

Некоторые выводы

В целом указанные процессы, происходящие в области преступности, свидетельствуют о следующем.

1. В обществе произошло изменение криминальной деятельности, выработана новая стратегия ее осуществления. В недавнем прошлом для нее были характерны примитивные, узконаправленные действия, целью которых были изъятие и присвоение ценностей (кража, разбой, грабеж и т.д.). При этом изъятие и присвоение носили откровенно потребительский характер использования преступного дохода. В обществе, при всех издержках, недостатках и даже провалах в антипреступной борьбе государства, господствовало неприятие и осуждение преступности, особенно в той ее части, которая была связана с насилием и хищениями в особо крупных размерах. В новой же криминальной идеологии основа иная. В настоящее время этой основой является производство благ (товаров и услуг), развитие его масштабов, совершенствование технологий. Иначе говоря, речь идет о воспроизводстве с целью получения максимально возможной прибыли. Характерной особенностью этого процесса является то, что законопослушный гражданин, он же жертва преступности, втягивается в этот процесс как клиент, как партнер по противоправной деятельности.

Сама же деятельность маскируется в форму законного бизнеса, чему в значительной степени способствуют правовые «дыры» в экономическом и финансовом законодательстве. Этому же способствует мощная пропагандистская деятельность по «героизации» преступника. Предлагается оценивать человека не по каким-либо нравственным качествам (чувство долга и ответственности перед обществом, честь и достоинство гражданина, служение Отечеству, совесть и справедливость), а по его финансовому и материальному по-

ложению. Все это ведет к формированию новой преступной элиты, номенклатурного слоя уголовно-преступной сферы, для которой руководство, управление этой средой стало весьма прибыльной областью приложения своего интеллектуального и профессионального капитала. В результате возникает новый вид высокодоходного, престижного и наиболее безопасного сегодня в России криминального бизнеса — воспроизводство преступности, борьба с которой только мерами правоохранительных органов бесперспективна и в конечном итоге обречена на поражение.

2. Произошло органичное соединение на корыстной основе интересов организованной преступности, основывающееся на функционировании «теневой экономики». Это привело к тому, что в настоящее время исторически сложилось достаточно массовое, устойчивое, криминальное сословие (дельцы теневой экономики, представители организованной преступности, коррумпированные слои государственных служащих, в том числе и в высших эшелонах), общность людей вполне обособленная, духовно сплоченная, выступающая антиподом по отношению к большей части общества — законопослушным гражданам. Как результат — формирование в данной среде корпоративности, вследствие чего высокоранжированная, криминально-властная преступная деятельность приобретает на современном этапе все более явно выраженные корпоративные черты.

3. Корпоративный характер преступного единения ведет к быстрому осознанию своих ближайших и дальних целей и ставит практическую задачу расширения материальной и финансовой базы своего могущества и защиты своей собственности в будущем. Как важнейшее условие сохранения своего богатства и своего влияния для корпорации преступников возникает необходимость создания прочных позиций в структурах власти, в том числе и за счет личного присутствия представителей этой корпоративной общности, как гарантии от любого возможного передела собственности и изъятия состояний, нажитых преступным путем. Это влечет за собой политизацию преступности, ее участие в выборных кампаниях путем поддержки конкретных лиц из числа поли-

тической элиты в центре и в регионах, проведение в структуры законодательной и исполнительной власти, в органы государственного управления своих людей.

В политике происходит смещение целей — от общенационального развития к обеспечению господства и преемственности власти отдельных олигархических группировок. Данное явление наиболее откровенно проявляется накануне парламентских выборов (1995, 1999). В такой ситуации становится очевидно, что наиболее серьезными политическими силами в России являются не политические партии, объединения и движения, а финансовые группы. Все они без исключения выросли на бюджетных деньгах, имея в разное время доступ к распределению бюджетных средств. Эти средства были приращены за счет передела собственности и приобретения «жирных кусков». Не отказываясь от дальнейшего поглощения финансовых средств государства и общества, финансовые группы уже в 1995 году приступили к реализации второго этапа, предполагавшего завоевание и укрепление своих позиций в структурах государственной власти: законодательной и исполнительной. Тем самым они превращают государство, государственную власть в совокупность враждующих между собой группировок. Коррупция дискредитирует право как основной инструмент регулирования жизни государства, общества и личности. В связи с этим в общественном сознании уже сформировалось представление о беззащитности граждан перед преступностью и перед властью. Это представление усиливается распространением коррупции на правоохранительные органы.

Современная ситуация свидетельствует, что преступность, прежде всего организованная преступность, уже не довольствуется «покупкой чиновников». Она сама идет во власть, создавая тем самым дополнительные звенья коррупции во всех структурах государственной власти. Вхождение преступной уралмашевской группировки в политическую жизнь региона и ее активная деятельность по проведению в Госдуму своего лидера Хабарова свидетельствуют о реальности такой угрозы. Это позволяет утверждать, что коррупция в России стала проблемой национальной безопасности.

Политизация преступности спровоцировала невиданное развитие политического сыска в России. Борясь с бывшим пятым управлением КГБ СССР, общественность «не заметила», что политический сыск, осуществлявшийся государственным органом, был «уложен» в определенные рамки. Сегодня же им занимаются и политические организации, и коммерческие структуры, и средства массовой информации. При этом никто никакой ответственности за свои действия не несет, ничем в своих действиях не ограничен. Это дает необычайно мощный толчок к сбору компромата на своих противников, оппонентов, конкурентов независимо от места их работы (государственные или негосударственные структуры) и характера деятельности. А сам сбор компромата, чаще всего осуществляемый под прикрытием коммерческой деятельности, изучения конкурентов и условий конкурентной борьбы, стал не средством борьбы с коррупцией и организованной преступностью, а источником получения политического, экономического и административного капитала. Это позволяет каждому подозреваемому, в том числе и по вполне обоснованным фактам, сразу апеллировать к общественности, заявляя, что возбужденное уголовное дело является инсинуацией его политических конкурентов, политическим преследованием. При сложившейся в обществе под воздействием криминальной действительности психологии многие верят таким заявлениям, избирая нередко такого человека депутатом, губернатором, мэром. Это позволяет многим коррупционерам, преступникам уходить от ответственности. Тем самым углубляется недоверие и неуважение к власти.

Как показала российская практика последних лет (Екатеринбург, Санкт-Петербург, Владивосток и т.д.), борьба с коррупцией в таком виде становится чаще всего разменной монетой в политических играх и спекуляциях.

4. Уровень и размах преступности в столь угрожающих масштабах, с одной стороны, несут в себе очевидную угрозу безопасности личности, общества и государства, а с другой — являются свидетельством паралича власти, ее институтов и тем самым невыполнение ими своих основных функций: способствовать гармоничному развитию общества

и обеспечивать не только и даже не столько безопасность политического режима, сколько безопасность личности и общества.

5. По сравнению с прошлым претерпела существенные изменения мотивационная характеристика преступности.

Во-первых, в общем числе зарегистрированных преступлений интенсивно увеличивается удельный вес корыстных (это характерно и для латентных). При этом резко возросло число преступлений, связанных с завладением собственностью, при совершении которых использовались физическое и психологическое насилие. (Наиболее трагично это проявляется в преступной технике завладения квартирами людей преклонного, пенсионного возраста.)

Вся статистика свидетельствует, что в обществе нарастает и корыстная, и насильственная преступность. Причем насилие все чаще используется как средство достижения корыстных целей. Вся эта ситуация отягощается тем, что в условиях нарастания в обществе социальных, национальных, конфессиональных и иных противоречий насилие стало широко применяться и для решения конфликтов: межличностных, межнациональных, конфессиональных, корпоративных, клановых, групповых, т.е. стало средством достижения не только экономических, финансовых, материальных целей, но и целей в политической борьбе.

Во-вторых, стало совершаться большее число имущественных преступлений по мотивам абсолютной нужды, ради приобретения жизненно необходимых продуктов и предметов одежды, а также по мотивами относительной нужды в целях обеспечения того уровня жизни, который становится характерным для ряда окружающих лиц.

Здесь же появилась и новая мотивация: приобретение стартового капитала любым путем ради обеспечения достойного существования в будущем «царстве» рыночных отношений и денег.

Рост имущественной преступности является закономерным явлением при смене общественного строя, развитии рыночных отношений и переделе собственности.

По данным и оценкам МВД, основная часть преступлений в имущественной сфере (с 1996 года она стабильно держится на уровне около 70%) совершена ранее законопослушными гражданами, что является результатом резкого обнищания основной части населения России и надлома в духовной сфере личности, потери ею нравственной ориентации.

Все это вместе взятое создает в лице преступности реальную угрозу не только экономической, но и политической безопасности общества и государства.

Вместе с тем необходимо учитывать, что расширение преступности имеет тяжелые социальные последствия, основными из которых являются следующие.

Во-первых, постоянное увеличение числа ранее законопослушных граждан в основной части преступлений.

Во-вторых, увеличивается число преступников, ранее совершавших преступления, т.е. преступных рецидивов. В 1996 году прирост по сравнению с 1995 годом составил 7,5%, а в 1997 году по сравнению с предыдущим годом он приблизился к 10–11%. По данным за 1999 год, уже каждое четвертое преступление было совершено ранее судимыми, т.е. прирост приблизился к 14–15 %. Подобное положение (не очень высокий темп прироста) свидетельствует о том, что определяющее значение в росте преступности играет вовлечение все новых слоев населения в криминальную деятельность.

В-третьих, постоянно растет криминальный потенциал подростковой среды. В 1996–1997 годах установлена причастность несовершеннолетних к каждому девятому из раскрытых преступлений (можно предполагать, что латентность этого явления необычайно высокая). К началу 1997 года количество подростков, поведение которых требовало контроля, составляло 426,6 тысяч, при этом каждый четвертый из них входил в состав группировок очевидной противоправной направленности. Сегодня подростки участвуют (втягиваются) практически во все виды преступности. Появились даже подростки-киллеры. Из привлеченных к уголовной ответственности в 1999 году 1 716 679 человек более 183 тысяч являются несовершеннолетними.

В-четвертых, рост преступности в немалой степени стимулирует масштабы алкоголизации населения и распространения наркомании, принявших, по заявлениям экспертов и специалистов, контуры национальной трагедии как угрозы генофонду населения. По оценкам Всемирной организации здравоохранения, потребление восьми литров абсолютного алкоголя на человека в год является критическим порогом, за которым резко возрастает угроза физической деградации населения. В России годовой уровень потребления алкоголя, по различным оценкам, достиг 14–18 литров на человека.

Помимо угрозы генофонду нации алкоголь — один из основных источников криминальных доходов, а с другой стороны — катализатор агрессивности, злобы, преступлений.

Не менее, если не более опасный характер представляет постоянно увеличивающийся рост числа больных наркоманией и токсикоманией: с 23,6 человека на 100 тысяч населения в 1990 году до 31 тысячи на 100 тысяч населения в 1993 году. В настоящее время эта цифра перевалила 40-тысячную отметку. Сегодня в России уже каждая пятая семья имеет наркологические проблемы. И здесь, как и в предыдущем случае, наркомания — основной регулятор отношений и вовлечения новых жертв, криминальный бизнес, стремление к «легкой» и быстрой наживе.

Наркоман, с одной стороны, источник криминального дохода, с другой — непосредственный участник преступных деяний.

В 1996 и 1997 годах в состоянии алкогольного опьянения совершалось каждое третье преступление, а в состоянии наркотического дурмана — каждое девятое.

«Отклоняющееся» поведение — алкоголизм, наркомания, токсикомания, когда оно накапливается столь стремительными темпами и в таких масштабах, становится общенациональной трагедией. Последствия такой трагедии — негативное воздействие на социальную структуру общества и на политические предпочтения избирателей. Таким образом, безграничная прибыль для преступных сообществ и

криминальных дельцов оборачивается трагедией в целом для общества и значительной части его граждан.

В-пятых, увеличивается удельный вес преступлений, совершенных «гастролерами», т.е. иностранцами и лицами без гражданства. Так, в 1996 году на их долю пришлось 14,9% общего числа зарегистрированных преступлений, в том числе на долю граждан СНГ — 32,8%. В 1997 году (за пять месяцев: январь — май) данной категорией лиц совершено 11 тысяч правонарушений, из них более 86% — жителями бывших республик СНГ.

В-шестых, постоянно растет удельный вес женщин среди выявленных преступников. В 1986 году он составлял 5,4%, в 1990 году — 6,9, в 1995 году — 14,9, в 1998 году — около 19%, т.е. практически через каждые пять лет удваивается. В 1999 году из общего числа привлеченных к уголовной ответственности (1 761 679 человек) более 260 тысяч — женщины.

6. В современной обстановке в криминальном мире сформировались три четко обозначенные группы преступников и их сообществ:

- Воры в законе и находящиеся под их влиянием преступные группировки. Они располагают определенным влиянием и авторитетом. Нередко участвуют в приведении к руководству предприятиями новой администрации. Большинство таких «смен власти» происходит силовым методом. Участвуя в таких «разборках», воры в законе действуют, как правило, через подставных лиц. Некоторые из них имеют свою долю в производстве. Эта группа преступников отражает господствовавшие ранее воровские традиции, эпоху «романтики» воровского мира, т.е. все то, что постепенно вымирает под воздействием новой экономической реальности.

- Параллельно, с началом «великого» передела собственности, появилась «отмороженная» молодежь, спортсмены, новая криминальная волна — «молодые волки», тягаться с которыми вора в законе становится все сложнее. Они опираются на местные или столичные властные и управленческие структуры. Конкурентов жестоко вытесняют или отстреливают. Поэтому старым вора в законе приходится либо принимать новые правила игры, либо выходить из дела.

- За время либеральных реформ сформировалась и третья сила. На смену ворам в законе и молодым авторитетам пришли олигархи. Их капитал, связи, снаряженные по последнему слову техники секьюрити, а также отсутствие каких-либо моральных и нравственных принципов не оставляют соперникам и оппонентам шансов. Свидетельством присутствия и стремительного жесткого захвата не только экономических позиций, но и позиций в информационной и пропагандистской сферах, внедрения в структуры власти и управления являются активное участие в выборах на всех уровнях, многолетняя борьба в нефтяной отрасли, за предприятия металлургической сферы (в частности, в алюминиевом производстве и т.д.). Имена Быкова, Березовского, Abramovichа и других с их разветвленным агентурным и личным присутствием во властных и управленческих структурах, наличием в их руках хорошо оснащенных предприятий безопасности, использованием в своих целях различных преступных авторитетов из первой и второй групп, а также различных групп организованной преступности с опорой при этом на огромный финансовый капитал — все это свидетельствует о возрастающей силе и влиянии именно этой группы.

По сути дела произошла легализация и респектабельзация преступной финансово-экономической деятельности, принесящая бывшим преступникам, современным «респектабельным» бизнесменам необходимый первоначальный капитал, который они сегодня хотели бы не только защищать, но и увеличивать.

При этом в законном бизнесе, а чаще всего в бизнесе на грани закона, они используют методы, навыки и хватку сугубо криминального происхождения, демонстрируют явное неуважение к закону. Все это позволяет говорить о том, что ими привнесена в предпринимательскую деятельность криминальная психология и криминальная тактика. Надо иметь в виду, что ни в первом, ни во втором поколении предприниматели этой среды не смогут приобрести действительно респектабельности и в своих действиях неизбежно будут прибегать к незаконным действиям с использова-

нием для достижения своих целей криминальных структур и криминальных авторитетов.

Возникают вполне естественные вопросы: какова социальная направленность преступности и в какой мере она отражается в официальной статистике?

Несомненно, произошли серьезные изменения в социальной направленности преступников, так как весьма значительно изменилось соотношение различных объектов преступных посягательств.

Приводимые официальные цифры в большей мере свидетельствовали о нарастании латентности некоторых видов преступлений, чем о точном отражении статистикой реальных изменений.

Поэтому многочисленные заявления и победные реляции об успехах борьбы с преступностью вошли в противоречие с данными криминологических исследований, которые не подтверждали снижения числа преступлений против политических, трудовых прав граждан.

Если судить по данным уголовной статистики, то преимущественно увеличивалась преступность против прав человека, его жизни, здоровья, чести, достоинства, законных интересов.

Действительно, защищенность личности от уголовно наказуемых деяний значительно ухудшилась.

Но тем не менее статистические изменения структуры преступности не вполне отражают ее реальное изменение. И это определяется тем, что государственные и общественные интересы страдали не в меньшей, а, может быть, и в большей степени. При этом надо учитывать, что почти все дела о преступлениях против государственной собственности, хозяйственные, должностные преступления базировались на материалах контрольных органов, а система государственного (административно-правового режима) и общественного контроля, существовавшая ранее, была по существу разрушена, и до сих пор пока еще нет целостной системы, которая ее бы заменила. Значит, и заметно сужена сигнальная система, обеспечивающая органы безопасности необходимой информацией. Отсюда и слишком высокий уровень латентности.

Таким образом, официальная статистика не совсем корректно отражает изменения в социальной направленности преступности. Это, в свою очередь, ведет к искажениям действительной картины и к ошибкам в выработке всей системы борьбы с преступностью.

И здесь есть своя закономерность. Тенденции реальной преступности с учетом латентной части далеко не идентичны тенденциям регистрируемой преступности. По мере усиления негативных моментов социального развития масштаб расхождения между ними существенно увеличивается, а при нарастании позитивных — сокращается.

2. Причины преступности и факторы, оказывающие воздействие на ее развитие

Среди основных причин, порождающих преступность, называют, как правило, трудности преодоления наследства тоталитарного периода, административно-командной системы и уравнилельного принципа распределения советского времени, неэффективность института власти, слабость судебной системы, пробелы законодательства и т.д. В определенном смысле это так. Но это узкий взгляд на проблему. Он не объясняет, почему после 1991 года и, особенно, 1992 года, с началом курса либеральных экономических реформ, мы наблюдаем взрывной характер роста преступности и ее проникновение во все сферы жизнедеятельности общества и государства: в политическую, экономическую, социальную и духовную. Мы должны объяснить себе и обществу, почему в этой сложной, тяжелой ситуации государство, обязанное стоять на страже интересов общества, оставило его и абсолютное большинство рядовых граждан беззащитными перед разгулом преступности.

1. Основная, главная причина взрывного роста преступности в условиях либерального курса экономических реформ заключается в следующем.

Радикал-реформаторы, сосредоточив после 1991 года в руках все рычаги власти, преследовали не социальную цель — обеспечение благосостояния и благополучия своих сограждан, а решали конкретную политическую задачу: формиро-

вание в короткие сроки нового собственника любым, в том числе и криминальным путем, для создания в стране капиталистических отношений и необратимости этого процесса.

И основным механизмом этого процесса стало не разгосударствление собственности, а приватизация, т.е. передел собственности. При такой политике соответствующей должна была быть и роль государства. В условиях первоначального накопления капитала (а Россия стараниями радикал-реформаторов в политико-экономическом отношении оказалась отброшенной не на 50 лет, если судить только по уровню ВВП, а на 200 лет, именно к эпохе первоначального накопления капитала — начальной стадии развития капитализма) роль государства совершенно иная — это сторож ночной. Его основная функция — защищать именно сам процесс накопления капитала (передела собственности), создавать выгодные для этого условия, не вмешиваясь в процесс перераспределения собственности, и при этом полностью освободиться от своей социальной функции. И до тех пор пока окончательно не сформируется новый собственник как класс, осознающий свои не только текущие, конъюнктурные, но и перспективные, стратегические интересы, государство будет оставаться в этой незавидной роли: свободным от ответственности перед обществом и ответственности за состояние общества. В таких условиях государство, как свидетельствует исторический опыт ряда развитых стран, неизбежно приобретает на определенное время откровенно криминальный характер. Российская действительность подтверждает эту закономерность совершенно очевидно. Ни для кого не является секретом, что сегодня в России сложилось, по существу, криминальное общество и криминальное государство. И дело не только в том, что около 40% ВВП приходится на теневую экономику (независимые эксперты считают, что доля теневой экономики в ВВП выше — более 60%). И не только в том, что организованная преступность контролирует почти 40% всей экономики, а в некоторых секторах — потребительские рынки, недвижимость, банки, — этот процент еще выше. И даже не в том, что преступные теневые дельцы гос-

подствуют одновременно в легальном и нелегальном бизнесе и произошло сращивание теневой экономики, организованной преступности и коррупции. Это все есть, и в избытке, это все сущностные элементы, свидетельствующие о криминальном характере экономики. Главным же в криминальной характеристике государства и, прежде всего, общества стало то, что большинство российского трудоспособного населения втягивается в криминальные отношения через теневую экономику на правах рабочей силы, клиентов, партнеров, потребителей. Это неизбежно влечет за собой ломку психологических стереотипов поведения, утверждения идеологии и мотивов безудержного потребительства и стяжательства, пренебрежения общественными нормами поведения и ответственности личности перед обществом, к признанию нормальным незаконного обогащения и участия в незаконных экономических, хозяйственных, трудовых процессах как способа выживания. Это и привело к тому, что воспроизводство преступности в этих условиях становится необходимым элементом хозяйственной жизни и наиболее прибыльным видом деятельности.

В этой связи нельзя не отметить, что все предлагавшиеся ранее меры: реформа уголовного кодекса, реформа банков и т.д. не затрагивают главного — справедливого урегулирования на основе закона вопросов собственности и ликвидации опасных объемов теневой экономики. Без решения этих вопросов все предлагаемые меры обрекают борьбу с преступностью на заведомое поражение, так как в рамках этой борьбы не затрагивается источник формирования всех преступлений в экономической области. А именно они составляют сегодня около 60% всех преступлений, и именно они наносят наибольший экономический и социальный ущерб интересам народа России и страны в целом.

Таким образом, между государством, присвоившим себе все права, принадлежащие личности и обществу, и государством, отказывающимся нести ответственность за состояние общества, за социальное и правовое положение личности и ее безопасность, попустительствующее правовому произволу, разница невелика. И в том и в другом случае жертвой

оказывается личность, ее жизнь, наконец. Ни о каких свободах и правах человека не может идти речь, если эти права и свободы не гарантируются и не обеспечиваются материально, не имеют под собой экономической основы, не защищаются государством.

В подходах Президента В. Путина уже просматриваются новые элементы, нацеленные на изменение роли государства и освобождение его от функции «ночного сторожа». Важно, что это не обещания, а программные позиции. Но они станут обещаниями, если правительству в их реализации не хватит политической воли, поддержки в обществе, в структурах законодательной и исполнительной власти в центре и регионах.

2. Ошибки и недостатки в стратегии экономических реформ и в осуществлении экономической политики, которые ведут к массовому обнищанию населения, нарастающему разрыву в доходах, безработице, и как следствие — быстрому образованию маргинальных слоев, а из них значительных групп люмпенов, т.е. наиболее активной среды рекрутирования преступных элементов.

Стремление создать в России «чистый капитализм» в предельно короткие сроки на основе «дикого» передела собственности привело в конечном итоге не только к экономической и социальной деформации общества, но и к резкому, невиданному в истории страны разгулу преступности, принявшему форму откровенной экономической и политической угрозы стране.

Первой, наиболее значимой и крупной акцией всей этой политики явилась легализация в конце 1980-х — начале 1990-х годов теневой экономики. «Демократические» лидеры, печать, юристы, экономисты и социологи требовали легализации теневой экономики, доказывая, что именно теневая экономика в условиях советской системы демонстрировала предприимчивость и настоящее предпринимательство. Достаточно будет теневикам выйти на свет, и они принесут в общество дух предпринимательства и конкуренции, внесут свой опыт в формирование рыночных отношений. При этом полностью игнорировалось то, что абсолютное большинство те-

невикив продемонстрировали не столько хозяйственную предприимчивость, сколько умение паразитировать на государственной собственности путем ее незаконного присвоения, умение использовать неповоротливость бюрократического государственного аппарата, правовые пробелы в хозяйственном и финансовом законодательстве и формировали не столько психологию предпринимательства, сколько психологию грабежа. И именно эту последнюю они принесли с собой в новое, нарождающееся российское общество. Подкуп, взятка, шантаж, укрытие от налогов, рэкет и т.д. становились с их помощью доминирующим фактором в системе экономических отношений. Их легализация и открытый выход на свет — первый значительный выброс криминалитета в общество и появление, легализация значительных финансовых и материальных средств, добытых преступным путем. Достаточно отметить, что в 1989 году 97% населения обладало всего 3% накопления — свободные деньги были сосредоточены исключительно в узком слое криминальных дельцов и коррумпированных чиновников.

С распадом СССР и началом политики либерализации экономики и последовавшим за этим развалом экономики и экономических связей к теневикам пришло второе дыхание и масштабы их деятельности стали уже несравнимыми с теми, которые они имели до 1992 года. Достаточно отметить, что только в 1993 году дельцами теневой экономики криминального толка было вывезено из России 67% нефти, а государственный бюджет в результате этих преступных действий недополучил более 200 млрд рублей. Иначе говоря, в условиях жесточайшего экономического кризиса, грозящего перерасти в экономическую катастрофу, теневая экономика стала одним из доминирующих факторов хозяйственной жизни России. В нее оказались втянутыми, с одной стороны, организованная преступность, с другой — коррумпированное государственное чиновничество. И в итоге теневая экономика превратилась в питательную почву для преступности в стране, стремительного обогащения узкого круга преступных дельцов и коррумпированных чиновников за счет ограбления российского народа.

Недооценка роли теневой экономики в криминализации общества и государства проявилась еще в 1990 году разработчиками программы «Переход к рынку» (С. Шаталин, Н. Петраков, Г. Явлинский и др.). Авторы программы писали по этому вопросу следующее: «Масштабы теневой экономики в контексте настоящей Программы имеют особое значение, так как логика перехода к рынку предусматривает использование теневых капиталов в интересах всего населения страны. Это один из важных факторов ресурсного обеспечения реформы... По существу, возникновение и развитие теневой экономики в значительной степени выступает адекватной реакцией на чрезмерную зарегламентированность хозяйственной деятельности, сковывание инициативы отдельных работников и самостоятельности хозяйственных организаций. Соответственно основные меры по ликвидации теневой экономики совпадают с важнейшими направлениями реформы. Как показывает мировой опыт, в том числе стран Восточной Европы, свыше 90% объема операций теневой экономики можно довольно быстро устранить с помощью мероприятий по формированию рынка».

В 1989 году с началом либеральных экономических реформ была ликвидирована всякая регламентированность хозяйственной деятельности, развязана инициатива отдельных работников и самостоятельность хозяйственных организаций. Но это не привело к исчезновению теневой экономики. Напротив, как это раскрывалось выше, теневая экономика стала быстро развиваться, подминая под себя официальную экономику.

Вот так следование чужим рецептам, бездумное выполнение рекомендаций «со стороны», нежелание всерьез учитывать чужой опыт (для стран с развитыми рыночными отношениями проблема теневой экономики является необычайно острой), а также анализировать собственную политическую, социальную, экономическую и правовую реальность привели к тому, что щуку бросили в реку. «Благодаря» усилиям рыночников мы получили такую теневую экономику, которая уже сегодня способна через оргпреступность и коррупцию довести страну до полной экономической, соци-

альной и моральной деградации. История еще не знает случаев, когда теневики, будучи легализованы, начали действовать в «интересах всего населения страны», тем более в условиях перераспределения собственности и первоначального накопления капитала.

Действительность современного развития страны свидетельствует, что до создания «нового» класса еще очень далеко, но совершенно определенный социальный слой «черных» предпринимателей, получивших мировое признание в определении «новые русские», уже создан. Поэтому сегодня лозунг «Самый выгодный бизнес — честный бизнес» для подавляющей части предпринимателей неприемлем.

Результат такой экономической политики — создание и развитие контролируемых оргпреступностью коммерческих структур, которые используются в качестве прикрытия для деятельности преступных сообществ, «отмывания» преступно нажитого капитала. Вложение его в экономику закладывает фундамент для углубленной криминализации самой экономики, социальной и политической жизни. До 80% доходов преступные группы вкладывают в бизнес. Каждый третий организатор разоблаченных в 1993—1994 годах преступных группировок руководил предприятием.

Преступные элементы, располагая чрезвычайно большими средствами, имеют возможность приобретать необходимую технику (автомашины, радиостанции, приборы ночного видения и т.д.), покупать и арендовать квартиры, осуществлять преступные «гастроли», содержать службу безопасности и разведчиков, подкупать чиновников органов власти и управления, судебных структур. Сращивание общеуголовной и экономической преступности, оргпреступности и коррупции способствует дальнейшему разрастанию консолидации преступных группировок, расширению сферы их влияния, многократному росту преступных доходов. Это ускоряет процесс оформления организованной преступности в разветвленную систему, реально претендующую на лидерство в экономике и политике и нередко уже не скрывающую своей цели.

По прогнозам различных независимых экспертов — социологов, политологов, организованная преступность активно включилась в предвыборную борьбу и по самым скромным оценкам сумела провести на выборах 1995 года в различные законодательные собрания около 8–10% своих представителей.

В период с 1995 по 1999 год история повторилась. С той лишь разницей, что преступность, олигархи, составившие свои состояния в процессе грабительского передела государственной и общественной собственности, пошли непосредственно во власть, считая, что их присутствие во властных структурах — гарантия защиты их собственности и условий, позволяющих безнаказанно ее наращивать. Различные предложения и намерения о пересмотре всей налоговой политики и придание ей не только фискального, но и стимулирующего производство характера, несомненно, может привести к решению проблемы бегства от налогов, выхода из тени значительной части предпринимателей. По существу, речь идет о легализации теневой экономики. Однако здесь важно не повторить уже совершенных ошибок и иметь в виду некоторые принципиальные моменты.

Теневая экономика — сложное, многообразное явление, состоящее из двух больших секторов.

Первый сектор, наибольший, включает в себя так называемую неофициальную теневую экономику, которая образовалась в результате неразумной деятельности властей в области налоговой, таможенной и кредитно-финансовой политики.

Бегство от налогов — основной мотив ухода в тень. И было бы абсурдно обвинять в этом только представителей экономики. Государство, мягко говоря, «забыло», что налоговая политика — это не только фискальная задача, но и стимулирующая производство система, при которой расширяется круг платежеспособных субъектов экономики, а значит, расширяются возможности решения фискальных задач и получения государством необходимых финансовых средств для нужд социальной, военной, научно-технической, культурной и иных программ развития страны.

Второй сектор — это нелегальная теневая экономика, в которой присутствуют наркобизнес, порнобизнес, незаконный алкогольный бизнес, незаконный оборот оружия и весь пышный букет экономических преступлений. По сути, это и есть чистый криминалитет во всех его опасных и неприглядных видах. Здесь аккумулируются «грязные деньги», а «отмываются» они через так называемую неофициальную теневую экономику.

Важным, чрезвычайно опасным элементом всей теневой экономики является то, что и в первом, и во втором ее секторах сплошь и рядом действуют одни и те же лица, приобретшие благодаря крупным финансовым средствам и их легализации в неофициальной теневой экономике или прямо в официальной экономике определенную респектабельность, легитимность, связи, контакты во всех структурах государственной власти и управления.

В этой сфере есть и еще более глубокие и серьезные явления, прямо отражающиеся на организации и содержании борьбы с преступностью, на направлениях и темпах формирования единой системы безопасности общества и личности. Дело заключается в том, что наиболее значительные силы правоохранительных органов задействованы в борьбе с преступностью в сфере неофициальной теневой экономики, т.е. главным образом работают по последствиям, нередко в ущерб своим основным функциональным задачам. Это довольно наглядно проявилось в период действия ВЧК, когда деятельность всей правоохранительной системы была подчинена решению сугубо фискальной задачи — сбору налогов притом, что по другим каналам уходили за рубеж и в карманы преступников всех уровней средства, многократно перекрывающие всю сумму налоговых сборов. При этом девальвировалась роль налоговой полиции, размывались ее полномочия и ответственность за выполнение своей основной функциональной задачи.

Вот почему проблема выработки нормальной налоговой политики, решающей как фискальную, так и сугубо экономическую задачи, далеко выходит за рамки только экономических отношений и экономических проблем. Легализа-

ция с помощью налоговой, кредитно-финансовой и таможенной политики неофициальной теневой экономики позволит сконцентрировать усилия правоохранительных органов на борьбе с действительно мафиозной, клановой преступностью, подавить источник формирования огромной суммы «грязных денег» — источника финансирования оргпреступности, коррупции, которые сегодня разъедают госаппарат, криминализируют общество и государство.

И другая сторона этого процесса: необходимость государственной защиты предпринимателей — представителей всех форм собственности — не только от уголовного, но и от государственного рэкета в лице коррупционеров, находящихся во всех структурах власти.

Видимо, необходимо, наконец, нам самим сделать для себя совершенно очевидный вывод, подтвержденный многолетним практическим опытом: проводя экономические реформы, надо начинать, как это ни покажется парадоксальным, не с экономики. Не с приватизации, отпуска или ограничения роста цен. И не с создания бездефицитного бюджета. Даже не с эффективного сбора налогов. Все это начиналось и благополучно проваливалось. Начинать надо все-таки с наведения порядка в самих структурах власти и управления, с тех, у кого в руках эта власть на всех уровнях. С ответственности, в том числе и прежде всего по закону, тех, кто держит в руках рычаги власти. Так как безответственность порождает воровство, воровство порождает механизмы расширения воровства и механизмы его защиты, воровство способно убить в зародыше любые идеи и всякие планы и программы их реализации. В любой области — экономической, социальной.

Российская действительность доказала совершенно однозначно: когда преступное сообщество — не важно, кто в него входит — имеет постоянный, весомый источник финансового и материально-технического обеспечения в самой экономике, оно действует долго и практически не поддается локализации и ликвидации. И причина заключается в том, что теневые финансы функционируют, они рекрутируют новых членов преступных сообществ.

И не ликвидировав этот источник, страна будет оставаться в заложниках у воров в законе и «законных» воров — лиц, которые в результате присвоения огромных ценностей приобрели респектабельность и сегодня нередко, прямо или косвенно, влияют на принятие решений в жизненно важных сферах страны.

Наиболее значимым актом на пути криминализации общества и создания нового собственника явилась приватизация, в результате которой значительная часть ваучеров оказалась в конечном итоге в руках 4—5% населения (а это в большинстве своем все те же представители теневой экономики и ее криминального сектора), а заниженная цена приватизируемых объектов и предприятий позволила этим 4—5% приобрести в собственность за бесценок значительные и наиболее рентабельные предприятия.

Каков же был механизм перекачки ваучеров и их ликвидации в интересах новых собственников?

Во-первых, около 30% населения вложили свои ваучеры в так называемые инвестиционно-финансовые компании типа МММ, «Русская недвижимость» и сотни других подобных компаний. Эти ваучеры потеряны населением практически навсегда. Они уже давно превратились в акции или валюту, прошли через цепочку подставных компаний, и найти их следы практически невозможно. Миллионы бывших владельцев ваучеров оказались обманутыми. Государство же в течение нескольких лет наблюдало, как мошенники обкрадывают десятки миллионов людей.

Во-вторых, другая часть населения (25—30%) вложила свои ваучеры в чековые инвестиционные фонды. Воспользовавшись отсутствием контроля со стороны государства (в частности, Федеральной комиссии по ценным бумагам) и практически отсутствием законодательства, они продали по самым низким ценам наиболее ценные акции своим дочерним структурам, оставив в портфелях фондов наименее ликвидные и дивидендные акции. Таким образом, инвестиционно-финансовые компании и чековые инвестиционные фонды (ЧИФ) условно можно разделить на две группы: те, кто украл сразу, и те, кто воровал постепенно и по частям,

формально соблюдая нелепо скроенные законы о приватизации.

В-третьих, 40% населения вложило свои ваучеры непосредственно в акции акционерных обществ открытого типа (АОО). Результат здесь тот же неутешительный, что и в первых двух случаях. И здесь столь же пассивная роль государства — роль бесстрастного наблюдателя.

И конец всей этой драмы — отсутствие итогового баланса погашения ваучеров по 89 субъектам Российской Федерации. Иначе говоря, так и не были опубликованы сведения, из которых было бы ясно, сколько ваучеров погашено в каждом из 89 субъектов Федерации, и подведен окончательный финансовый итог — на какую сумму погашено ваучеров. При отсутствии итогов невозможно теперь определить даже в первом приближении, что куда ушло.

Обращает на себя внимание роль государства — оно, как было указано ранее, охраняло лишь процесс приватизации, сняв с себя ответственность за механизм ее осуществления и полностью освободив себя от контрольных функций и от ответственности перед обществом, от ответственности за социальное состояние общества.

Второй этап приватизации — денежная приватизация — в своей основе повторял первый этап. Отличительной чертой второго этапа является то, что в мошенническую игру включилось и само государство, создав в лице ГКО свою финансовую пирамиду. Ее неизбежный крах, произошедший в августе 1998 года, по своим последствиям превзошел все предыдущие игры на этом поле представителей частного капитала: общегосударственный финансовый крах, жертвами которого стало почти 90% населения России.

Очевидно, что уже сегодня миллионы граждан, доверившие свои ваучеры различным компаниям, фирмам и фондам, оказались обманутыми, так как эти многие компании и фонды носили фиктивный характер и обеспечивали интересы прежде всего криминальных структур, организованной преступности и связанных с ними государственных служащих — коррупционеров. Иначе говоря, набирающий силу новый собственник, особенно вырастающий из теневой

экономики и криминальных структур, получил легальную возможность сформировать первичный капитал и усилить свое положение за счет не имеющей аналогов в мировой истории спекулятивной акции. А государство, призванное защищать интересы общества и личности, заняло позицию поддержки новых собственников, принося в жертву экономической реформе и капитализации страны интересы абсолютного большинства российских граждан.

...Приватизация нанесла неисчислимый урон не только обществу, не только личности, сделав ее бесправной в вопросах собственности, но и тяжелейший удар по интересам государства, создав реальную угрозу государственной безопасности, прежде всего в экономической (экономическая безопасность) и военной (военная безопасность) сферах.

Другое последствие данной стратегии реформ — преднамеренное допущение возможности значительного увеличения доли криминального активного контингента среди всего населения. Так, рост безработицы, в том числе скрытой, латентной, сразу же повлиял на изменение криминогенной ситуации в худшую сторону. Если в 1993 году общее число выявленных преступников увеличилось на 19%, то число неработающих и неучащихся среди них — более чем в полтора раза (на уровне 151–153%).

Согласно прогнозам МВФ, обвальная безработица способна выбросить на улицу миллионы людей, что коренным образом изменит традиционный расклад сил в криминальном мире. Безработица объективно расширяет ресурсную базу оргпреступности, повышает «социальную значимость» и авторитет лидеров криминальных структур, способных организовать жизнедеятельность определенной части потерявших работу граждан, дать им возможность преступным путем получить средства к существованию в условиях кризиса экономики и потери дееспособности государственных структур.

Если через призму этого прогноза посмотреть на предложенный проект программы Черномырдина — Федорова — Сороса, то становится понятен смысл как первого, так и второго этапа реализации программы. На первом этапе

уровень безработицы вырос бы до 30–35%, это помимо других негативных явлений как непосредственно в экономике, так и в положении абсолютного большинства населения страны. И то и другое неизбежно привело бы к резкому возрастанию преступности во всех ее видах и формах.

На втором этапе, обозначенном как экономическая диктатура, стала бы неизбежной диктатура криминалитета (в условиях существования криминогенного общества и государства это становится нормальным явлением) и диктатура иностранного капитала. И то и другое в равной мере повлекло бы за собой возрастающую угрозу общественной и государственной безопасности России, провоцировало бы уже не протестное движение, а социальный бунт.

3. Серьезной причиной, оказавшей глубокое воздействие на люмпенизацию и криминализацию масс в России, является исторически сформировавшаяся в российском обществе на протяжении веков (в том числе в советский период) структура сознания и привычки. Доктор философских наук В. Федотова в статье «Криминал как продукт системы» (НГ-сценарий. 2000. 9 февр.) относит это явление к историческим причинам криминализации, не без оснований выделяет последнее в криминализации общества и общественного сознания.

Как отмечает Федотова, модернизация всегда выбрасывала людей из деревни в город. Особенно активно этот процесс происходил в период индустриализации в СССР и в первые послевоенные годы (период восстановления народного хозяйства). Основная часть правящей элиты в сегодняшней России — это выходцы из деревни в первом или во втором поколении. По данным, приводимым в статье, примерно 50 человек из 100 в региональных политических элитах — крестьянского происхождения, носители деревенской культуры, основными характерными чертами которой являются универсальность (им кажется, что они знают и понимают все: от сельского хозяйства до живописи; что все проблемы решаемы и виноват лишь тот, кто не сумел их решить) и чувство хозяина. «Господство среди местных элит автохтонов, то есть людей местной культуры, не ориентирующихся в мире и по-своему

воспринимающих новые идеи, накладывает отпечаток на характер взаимоотношений власти и общества, создает похожие на власть, но противостоящие ей группировки». Иначе говоря, данный архетип является носителем феодальных отношений, для которых характерна зависимость, «повязанность», невозможность критики, что граничит с отношениями в криминальном мире. Такие сообщества легко переживают и социализм, и капитализм. Нажива, стяжательство, прибыль любой ценой делают такие сообщества тесно связанными и сплоченными, устремленными во власть или стремящимися ею манипулировать. Капитализм, насаждая индивидуалистическую психологию, не только отвергает, но и разрушает коллективизм, и как следствие этого процесса возникает культ противостоящего всему и всем индивидуализма.

Естественным ответом на разрушение коллективизма и на культ индивида становится неадекватное общественным потребностям воспроизводство в виде коррумпированной власти, которая более всего ценит лояльность по отношению к себе. Некоторые криминальные и полукриминальные аспекты жизни связаны именно с таким характером отношений. Номенклатура, наполовину состоящая из носителей феодальной (деревенской) культуры, во все времена была и остается выражением, определенным вариантом сакральной и сплоченной власти. И сегодня российский капитализм по своей сути является номенклатурным, так как его костяк составила имеющая деньги и связи советская номенклатура, а после 1992 года сложилась и новая политическая и финансовая номенклатура. И эта новая номенклатура вкупе с советской успешно отчуждает широкие народные массы от демократических преобразований и возможностей экономической деятельности. Тем самым она способствует тому, что криминальное развитие становится реальным и экономически перспективным.

Таким образом, «деревенские феодальные отношения, столетиями существовавшие в России и усвоенные на уровне архетипа, трансформируют новые социальные отношения в отношения зависимости» (В. Федотова). В современных условиях российского капитализма, основанного на жестоким пе-

ределе собственности, нередко в криминальной форме, на абстрактных экономических связях и культе индивидуализма, личные связи и зависимости оказываются не только основой формирования региональных властей, но и предпосылкой дальнейшего развития криминалитета. Такие традиции, как зависимость, «повязанность», круговая порука, невозможность критики, лояльность, будучи характерными для структур региональной власти, столь же характерны и для преступных сообществ, что и становится необычайно серьезной причиной криминализации власти.

Чем активнее Россия легализует эти традиции (точнее, привычки) через адаптацию западных норм права к российской действительности на основе неолиберализма как официальной идеологии и неомодернизма как программы развития, тем активнее будет идти процесс реанимации самых архаичных пластов культуры, а вместе с ними и реанимации «культуры» криминального мира.

Видимо, выход не в копировании западных моделей развития, а в поисках своей национальной российской модели, вызывающей к жизни не архаичные, опасные традиции, а возрождающей те из них, которые обеспечивают развитие общества и государства без реанимации криминального сознания и криминального стереотипа поведения, в первую очередь во властных структурах.

4. Серьезной причиной роста преступности во всем мире, в том числе и в нашей стране, являются революционные обстоятельства. По взглядам большинства социологов, изучающих механизмы возникновения и развития преступности, преступление рассматривается как девиантное поведение. Однако в революционных обстоятельствах само общество является девиантным. В такие периоды (революционные обстоятельства) общество отворачивается от своих прежних норм, отвергает их, но еще не приобретает новые. В таком обществе количество преступлений многократно возрастает. Это было характерно для эпох Английской революции 1640—1660 годов, Французской революции 1789—1793 годов, Октябрьской революции 1917 года и т.д. Это также характерно для революционных событий после 1991 года. А они

были революционными, так как решался вопрос о власти (коренной вопрос любой революции) и переделе собственности, перевернувшем всю социальную структуру общества, породившем тяжелейшие процессы маргинализации, люмпенизации и криминализации, т.е. все то, что было характерно для революционных периодов в России и в других странах.

Трагичность и драматизм ситуации в России определяются именно тем, что передел собственности, подчиненный не социальной, а политической цели (формирование собственника любым путем), мог быть совершен только революционным путем и неизбежно должен был повлечь за собой нарастающий вал преступности. Другим путем в условиях первоначального накопления капитала сформировать в короткий период нового собственника было невозможно.

5. Экономическая политика, основным лозунгом которой стала прибыль любым, в том числе и незаконным путем, а государство отказалось быть регулятором складывающихся экономических отношений, привела к резкому разрастанию теневой экономики, в которой криминальный сектор занимает если не господствующее, то весьма значительное место. На данном этапе получает серьезное развитие тенденция, когда преступность, используя свои позиции во властных структурах и средствах массовой информации, пытается с помощью этих структур не только защитить себя, но и для овладения национальным достоянием навязывает обществу систему своих ценностей, своих стереотипов поведения, героизацию своих лидеров.

С помощью средств массовой информации, массовой «художественной» литературы, кино в обществе утверждается культ насилия, культивируется образ «сильной» личности, свободной от ответственности перед обществом, формируется понимание права личности как права сильного и богатого человека. Культ индивидуализма принял совершенно отчетливо эгоцентристское содержание.

С 1993 года начинается осуществление и насаждение в обществе идеологического стереотипа, основной смысл которого заключается в формуле: «Преступность и ее расши-

рение — это плата за демократию, за расширение демократии». Впервые эту формулу озвучил в июне 1993 года в своей телевизионной передаче В. Познер. Позднее она в той или иной форме появлялась в различных публикациях.

Например, это прозвучало в статье С. Тимченко «Криминальный марафон — плата за демократию», опубликованной в «НГ- Регионы» № 12 за 1998 год.

Здесь все поставлено с ног на голову. Расширение преступности — это свидетельство прежде всего изъянов, пробелов, недостатков в демократии, отсутствия демократических механизмов контроля за процессами, происходящими в обществе, а главное — отстранение общества, населения от активного постоянного участия в процессах, касающихся всех сторон его жизнедеятельности, отсутствия реального, экономически и финансово независимого местного самоуправления как наиболее глубокой и широкой демократии, т.е. действительно власти народа.

Таковы основные причины, породившие резкий рост преступности и ее выход из-под контроля общественности. Но рядом, частично как следствие этих же причин, действует группа факторов, определяющая особенности и тенденции развития преступности.

К основным из них можно отнести следующие.

А. Отсутствие последовательной государственной политики по защите русскоязычного населения в бывших республиках Советского Союза, что влечет за собой огромные потоки беженцев. Большая часть из них испытывает трудности с жильем, с работой, не имеет достаточных средств даже на нищенское существование. Именно эти люди нередко пополняют криминальную среду.

Б. Вооруженные конфликты и острая социальная напряженность в ряде бывших советских республик и Северо-Кавказском регионе породили миграционные потоки в Россию, в том числе и в Москву, лиц коренной национальности. Именно из их среды вербуются члены этнических криминальных сообществ (чеченская, грузинская и т.п. группировки).

В. Отказ государства вести политику в области образования, основанную на общественных и государственных инте-

ресах, распад системы внешкольной занятости детей и подростков — домов творчества, технических секций, домов пионеров, спортивных секций и т.д., невозможность существования в современных экономических условиях детских и спортивных лагерей, массовое вовлечение детей и подростков в коммерческо-предпринимательскую деятельность привели к огромному росту детской преступности, в том числе и в организованных формах, детской проституции, омоложению наркомании и алкоголизма.

Г. Обнищание населения, социальная незащищенность, трудности в получении образования, усиленно насаждаемая психология безудержного потребительства, пропаганда секса и жестокости больно ударили по положению женщины, особенно молодой. Все чаще она становится живым товаром, она первой лишается работы, на ее плечи все в большей мере падают семейные заботы. Как результат безысходного положения — рост женской преступности и алкоголизма в таких объемах и темпах, каких не знала вся история России и Советского Союза.

Д. Недостатки и пробелы в законодательной основе, регулирующей отношения граждан, прежде всего государственных служащих, по вопросам собственности, определяющей направленность, характер, содержание, формы и методы борьбы с преступностью в целом и по наиболее опасным ее видам, т.е. в России до сих пор не сложилась законодательная стратегия борьбы с преступностью. Скорее идет реакция на ее проявления, которая чаще всего сопряжена с поспешностью и некачественной юридической проработкой законов. Кроме того, в процессы подготовки, принятия или не принятия тех или иных законов постоянно вмешиваются самые различные лоббистские группы, вплоть до преступных. Свидетельством этого является факт, что уже от пяти до более чем десяти лет по коридорам власти «гуляют» проекты законов «О декларировании индивидуальных доходов граждан», «О борьбе с коррупцией», «О борьбе с организованной преступностью», о борьбе с «отмыванием» «грязных денег» и многие другие.

Один из главных недостатков: система общественной безопасности, как и вся система правоохранительных органов, действующих в области борьбы с преступностью, задействована таким образом, что исполняет функцию возмездия общества по отношению к преступнику, а не возвращения в общество полноправного гражданина (справедливости ради надо отметить, что и функцию возмездия система выполняет слишком некачественно, так как преступник в России оказался защищенным лучше, чем законопослушный гражданин). Это прежде всего проявляется в деятельности по предотвращению преступлений, т.е. в профилактической работе. Сегодня ее уровень ниже всякой критической отметки, т.е. такой работы просто нет.

Е. Недостатки в отношениях по поводу безопасности личности и в самой системе органов общественной безопасности, которые делают систему борьбы с преступностью малоэффективной. Гражданин России должен являться субъектом отношений в сфере общественной безопасности (безопасность общества и личности). Сегодня можно констатировать, что гражданина России лишили правосубъектности. О какой правосубъектности можно говорить, если ежегодно в России гибнет от насилия (без войн и других вооруженных конфликтов) около 50 тысяч человек, если большинство потерпевших не обращается за помощью в государственные органы и в большей мере стремится обеспечить свою безопасность личными средствами.

И какую бы сторону деятельности органов общественной безопасности мы не взяли, в центре ее внимания прямо или опосредованно всегда оказывается человек, личность. Именно поэтому деятельность органов общественной безопасности всегда «на виду», всегда заметна, и, если они действуют менее эффективно, то чем больше угроз жизни личности и безопасности ее имущества возникает в обществе, тем негативнее воспринимается деятельность этих органов.

Одна из принципиальных ошибок, допускаемых в деятельности органов общественной безопасности (особенно в критические периоды жизни общества, как в настоящее вре-

мя), заключается в том, что они рассматривают личность как объект своей деятельности и весьма низко оценивают ее как субъект отношений в сфере общественной безопасности. Это влечет за собой ряд последствий как для личности, так и для самих органов общественной безопасности. Рассмотрим их:

а) происходит быстрое отторжение органов общественной безопасности, слабая осознанность своей зависимости от общества, появляется тенденция превращения этих органов в самодовлеющую силу, концентрирующую свое внимание на чисто профессиональных, «ремесленных» аспектах деятельности, а долг перед обществом все меньше осознается как основа жизнедеятельности самой системы. В этом случае:

- происходит превращение самой системы в орудие политической целесообразности политического режима, а не органа, выполняющего волю Закона и во имя Закона — в интересах безопасности личности и общества;

- постепенно снижается общественный и парламентский контроль за деятельностью системы общественной безопасности;

- открываются возможности для коррупции части сотрудников системы;

- в конечном счете происходит пренебрежение судьбой личности уже и как объекта отношений в сфере общественной безопасности;

б) личность, ощущая свое бессилие и незащищенность, ищет иные пути обеспечения собственной безопасности; происходит глубокий психологический процесс, в результате которого система общественной безопасности начинает рассматриваться личностью как враждебная сила. Неподчинение ей, как и несоблюдение законов, становится нормой поведения;

в) в обществе постепенно, под воздействием явлений социального и духовного характера, пренебрежения жизнью и безопасностью личности начинает пробивать себе дорогу культ насилия и жестокости.

Сегодня мы в полной мере ощущаем эти последствия.

Необходимо учитывать, что последствия в системе мер обеспечения общественной безопасности и в системе органов ее обеспечения оказались гораздо многообразнее и в некоторых аспектах более чем негативными.

В результате ошибочной стратегии экономических и политических реформ произошли не только массовое обнищание населения и рост преступности, изменения в системе административно-правовых режимов, но и разрушение самих правоохранительных органов как государственных институтов власти и управления. Это сказалось на финансовом и материально-техническом положении как в целом системы органов обеспечения общественной безопасности, так и на самом низком уровне бюджетного содержания их сотрудников, на уходе или увольнении из системы наиболее подготовленных профессиональных кадров (в органах МВД и ФСБ, по официальным данным, две трети сотрудников имеют опыт работы до трех лет, в следственных подразделениях МВД сплошь и рядом работают стажеры, практиканты и лица, не имеющие в прошлом опыта следственной работы). Как правило, их уход — следствие бесконечных реорганизаций, ничего общего не имеющих с реформой системы, и плохого финансово-материального обеспечения.

Изменения в системе органов и мер обеспечения общественной безопасности — это также следствие отсутствия четкого концептуального взгляда и позиции государства на построение всей системы для работы в условиях рыночных отношений, особенно это касается институтов безопасности, как общественной, так и государственной.

Рыночные отношения, в какой бы форме и на каком бы уровне они ни реализовывались в России в настоящее время, уже оказали и продолжают оказывать весьма значительное влияние на содержание и качество всей деятельности по обеспечению безопасности.

До недавнего прошлого вся собственность находилась в руках государства и, будучи основным собственником, государство выстраивало систему безопасности адекватно существовавшим экономическим отношениям.

В системе иерархии обеспечения безопасности ее верхними элементами являлись органы государственной безопасности (КГБ) и общественной безопасности (МВД). Но они, решая свои задачи, опирались не только на свои системы, но и на разветвленную систему административно-правовых режимов: режим охраны границы, таможенный режим, режим государственной тайны, режим допуска к секретным материалам и секретному производству, режим регистрации граждан, режим миграции и перемещения, режим въезда-выезда и т.п. Все режимы выполняли двоякую роль: с одной стороны, они обеспечивали в соответствии со своими задачами безопасность страны, а с другой — выступали в качестве сигнальной системы для КГБ и МВД в получении необходимой информации и одновременно как часть системы проверки сигнала (информации).

Разрушая общегосударственную систему безопасности, новый режим разрушил и систему административно-режимных органов и мер. Но сегодня было бы неверным простое воссоздание рухнувшей системы. Поэтому важно определить, что происходит в обществе, с экономической точки зрения прежде всего, чтобы системы и органов и режимов были адекватны новым экономическим и политическим (федерализм) отношениям.

Прежде всего, в обществе появились новые собственники, новые субъекты экономических отношений, государство в этих отношениях перестало быть единственным субъектом. С момента появления частного и коллективного собственника, предпринимателя и формирования рыночных отношений появился спрос на охранные услуги, стал одновременно формироваться рынок охранных услуг, что отразило появление новой проблемы в сфере безопасности: безопасность предпринимательства и личности.

К сожалению, на первом этапе развития рыночных отношений и появления спроса на охранные услуги государство в лице своих правоохранительных институтов и спецслужб было не готово влиять на эти процессы, заняло, по существу, выжидательную позицию стороннего наблюдателя.

Поэтому не случайно эту нишу сразу заняли криминальные структуры, создававшие так называемые крыши.

С конца 1991 — начала 1992 года, после распада КГБ и бесконечных реорганизаций в системах государственной и общественной безопасности, на этот рынок вышли значительные группы профессионалов — сотрудников органов внутренних дел, органов госбезопасности, спецназа. С их приходом, образованием лицензированных частных охранных предприятий, служб безопасности юридических, информационных предприятий, действующих в сфере экономической безопасности, учебных заведений различного профиля и уровня (в области подготовки кадров для негосударственных предприятий безопасности) в России объективно стихийно начали складываться условия для формирования негосударственной системы безопасности.

Несомненно, появление законных, лицензированных предприятий безопасности на рынке охранных услуг повлекло за собой ряд важнейших процессов, связанных прежде всего с появлением и формированием нового социально-профессионального слоя: работников негосударственных предприятий безопасности.

Логика развития охранный бизнеса, более осознанные корпоративные интересы, перспективы развития охранный предпринимательства и понимание необходимости формирования негосударственной системы безопасности предпринимательства и личности как неотъемлемой составной части обеспечения безопасности в условиях многоукладной экономики, появления многочисленных субъектов собственности и участников рыночных отношений требовали перехода к различным интегративным формам организации охранный деятельности, в том числе и в вопросах социальной и правовой защиты интересов нового социально-профессионального слоя.

Ответом на эту необходимость было создание в 1993—1997 годы различных ассоциаций и общественных объединений на основе узкокорпоративных, региональных и общероссийских интересов.

Таким образом, на сегодняшний день в системе обеспечения безопасности предпринимательства реально действуют три группы субъектов:

- государство, осуществляющее функции в этой области, через органы законодательной, исполнительной, судебной власти, через правоохранительные органы, причем последние очень часто непосредственно или косвенно действуют на рынке охранных услуг;
- негосударственные организации в лице частных охранных предприятий, служб безопасности, детективных бюро, информационных, юридических, научно-прикладных, учебных фирм, фондов, центров, занятых в сфере обеспечения экономической безопасности в целом и обеспечения безопасности предпринимательства в частности;
- криминальные структуры, создающие «крыши» для борющихся за раздел влияния и собственность мафиозных кругов.

Рассмотренные аспекты позволяют сделать некоторые общие выводы и оценки по анализируемому вопросу в целом. Остановимся на наиболее важных из них.

Во-первых, преступность в современной России приобрела значимость политического явления, так как она — ее истоки и причины, последствия и воздействие на общество — носит двусторонний характер.

С одной стороны, преступность как социальное явление формируется и развивается вследствие воздействия множества факторов, лежащих в политической, социальной и экономической сферах. Под влиянием этих факторов постоянно меняются ее количественные и качественные характеристики.

С другой стороны, сама преступность, став значимым социальным и общественным явлением, оказывает обратное воздействие на общество и государство, пронизывая наиболее важные сферы жизнедеятельности и общества, и государства: экономику, политическую систему общества, государственные институты власти и управления, политические преобразования, национальные отношения, образ жизни

населения, психологию его поведения, ценностные ориентации значительных групп населения.

В современной России этот процесс двустороннего воздействия наиболее полно и достаточно откровенно проявляется в сфере экономики и финансов. По оценкам экспертов-экономистов, совокупный ущерб от противоправных действий криминалитета в экономике сопоставим с доходной частью национального бюджета (а мы, Россия, ищем за рубежом 2—4 млрд долларов, чтобы заткнуть бюджетные дыры).

По существу экономическая сфера превратилась сегодня в зону тотальной криминальной опасности.

Во-вторых, дело усугубляется тем, что происходит постоянный рост общественной опасности преступности вследствие того, что в криминальных целях самым активным и широким образом используются профессиональные знания специалистов высокого уровня: финансистов, экономистов, юристов, сотрудников правоохранительных органов, применяются наиболее передовые технологии и методики, современная вычислительная техника.

В-третьих, необходимо учитывать растущую опасность в связи с тем, что усилия преступной деятельности концентрируются прежде всего в наиболее жизненно важных для государства и общества сферах, позволяющих извлекать сверхкрупные и трудновывяемые криминальные доходы (банки, биржи, внешняя торговля, валютное обращение, торговля стратегическим сырьем и оборудованием, оружием, недвижимостью и т.д.).

В-четвертых, с учетом продолжающейся консолидации преступных сообществ (в рамках отдельных территорий в России, в стране в целом, в международном масштабе) и установления прочных связей между крупными криминальными формированиями происходит процесс сосредоточения в руках преступных авторитетов, лидеров теневой экономики контроля над целыми отраслями торговли, производства, транспорта, малого, среднего и крупного предпринимательства. В результате экономическое поведение субъектов экономических отношений в России во многом воспроизводит нравы и порядки уголовного мира. Уже при-

знается на различных уровнях государственной и политической власти, что во многом криминальные отношения представляют собой один из существенных методов регулирования современных экономических процессов и средство решения экономических и финансовых проблем.

В-пятых, в условиях отсутствия эффективных законов о предпринимательстве и его безопасности, отсутствия эффективного судопроизводства преступники и преступные группировки фактически стали вершителями судеб. Мало того что криминальному давлению подвергаются участники судебного процесса, судьи, потерпевшие, свидетели по уголовным делам. Угрозами, насилием и подкупом их заставляют изменять показания, отказываться от обвинения, справедливого правосудия! В итоге от уголовной ответственности и наказания освобождаются наиболее опасные преступники. При дальнейшем развитии этой тенденции резко снижается эффективность ряда структур судебной власти. Опасность для общества и личности более глубока:

- формируются условия, при которых преступник оказывается более защищенным, чем жертвы преступности, чем законопослушный гражданин;
- и, что самое главное, преступники узурпировали традиционно государственные юридические функции и средства защиты.

В-шестых, сосредоточив в руках огромные материальные и финансовые ценности, стремясь в связи с этим обеспечить их сохранность и расширение легальных возможностей для дальнейшего наращивания своего богатства, криминалитет в лице лидеров теневой экономики и организованной преступности начал активно вторгаться в политику в целях лоббирования своих интересов во властных структурах всех уровней, влиять на ход выборов путем продвижения во власть своих кандидатов и стремится непосредственно войти в представительные политические структуры и органы государственного управления.

Сегодня уже можно утверждать, что преступность стала составной, неотъемлемой частью не только социально-экономической, но и политической реальности.

В-седьмых, необходимо учитывать и международный аспект преступности. Он не только в установлении российским криминалитетом связей с иностранными криминальными сообществами. Проблема глубже и опаснее, так как определенными политическими кругами Запада предпринимается попытка использовать российскую криминальную ситуацию для политических расчетов. Эта линия просматривается в документе, подготовленном в 1997 году американским Центром по стратегическим и международным исследованиям (CSIS) под названием: «Российская организованная преступность. Проект борьбы с международной организованной преступностью».

Доклад построен на весьма добротной фактологической базе, опирается на проведенные исследования по вопросам российской организованной преступности как в России, так и в США. Многие выводы и оценки, приведенные в докладе, являются бесспорными и свидетельствуют о глубоком знании авторами предмета исследования. Столь же обоснованной является тревога авторов по поводу тенденций развития организованной преступности в России и возникающих в связи с этим угроз экономическим интересам как российских, так и западных предпринимателей, угроз жизни людей. Ряд предложений имеет сугубо практический характер и естественно вытекает из оценок и выводов.

Вместе с тем нельзя согласиться с общим выводом о том, что организованная преступность в России угрожает национальной безопасности стран Запада и, может быть, даже потребуется вмешательство, чтобы эту угрозу ликвидировать.

Создается впечатление, что авторы документа усиленно формируют образ России как «империи преступности». Вспомним недавнее прошлое, когда СССР называли «империей зла» с вытекающим из этого правом борьбы с такой «империей» любыми методами, в том числе и путем прямого вмешательства во внутренние дела страны...